

Литературный факт.
2025. № 2 (36)

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-130-171>
<https://elibrary.ru/JXXLWZ>

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (36), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Мне нужны близкие, самые близкие»: К биографии Н.Д. Хвощинской

© 2025, Е.Н. Строганова

Государственный мемориальный музей-заповедник
Д.И. Менделеева и А.А. Блока,
Московская область

Аннотация: В статье биография Н.Д. Хвощинской (*В. Крестовский-псевдоним*) рассматривается в связи с ее литературным творчеством. Имевшая репутацию лучшей русской писательницы своего времени, Хвощинская была литературной долгожительницей, но в последние годы ее творческая активность явно снизилась. Изученные материалы позволяют предположить, что условия жизни писательницы и ее окружение существенно влияли на интенсивность литературной работы. Наиболее плодотворными оказывались периоды, когда рядом находился человек, близкий не только в эмоциональном и интеллектуальном смысле, но и в бытовом плане, человек, с которым можно было просто потолковать «о безделицах». В 1850-х – первой половине 1860-х гг. это ее сестра С. Хвощинская, писательница, публиковавшаяся под псевдонимом *И. Весенев*. Именно эти годы стали самыми насыщенными и яркими в творчестве Н. Хвощинской. Второй период — 1870-е гг., когда писательница нашла близкого человека в своей рано умершей воспитаннице. В статье представлен значительный корпус архивных документов официального и личного характера, которые воссоздают житейские обстоятельства Хвощинской в разные годы и позволяют понять, почему она в немолодом возрасте покинула свой дом в Рязани и почему не стала для нее близким человеком младшая сестра П. Хвощинская (писательница *С. Зимарова*). В приложении публикуются ранние стихотворения Н. Хвощинской, посвященные трем ее сестрам — Любви, Софье и Прасковье, а также завещательные распоряжения.

Ключевые слова: Н.Д. Хвощинская, творческая биография, житейские обстоятельства, сёстры, архивные документы, автодокументальные материалы.

Информация об авторе: Евгения Нахимовна Строганова — доктор филологических наук, профессор, научный сотрудник, Государственный мемориальный музей-заповедник Д.И. Менделеева и А.А. Блока, д. Тараканово, 1, 141503 Солнечногорский городской округ, Московская область.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0288-4287>

E-mail: enstroganova@yandex.ru.

Для цитирования: *Строганова Е.Н.* «Мне нужны близкие, самые близкие»: К биографии Н.Д. Хвощинской // Литературный факт. 2025. № 2 (36). С. 130–171. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-130-171>

Надежда Дмитриевна Хвощинская, в замужестве Зайончковская (1821–1889), известная как *В. Крестовский-псевдоним*, была не только самой признанной русской писательницей второй половины XIX в., но и литературной долгожительницей (см.: [12]). Ее деятельность продолжалась более 40 лет, но в последние годы творческая активность писательницы значительно снизилась. Незадолго до смерти Хвощинской С.В. Ковалевская назвала ее одной из семи гениальных писателей, родившихся в 1810–1820-х гг. — «Тургенев, Достоевский, Толстой, Некрасов, Гончаров, Салтыков (Щедрин) и г-жа Крестовская», однако признала, что Хвощинская, как и Гончаров, «уже много лет не создавала ничего значительного»¹. Каждому писателю отпущена своя мера творческого долголетия, но вполне закономерен вопрос, как это связано с биографическими обстоятельствами. Разумеется, в каждом случае будет своя особенная история. Поэтому, не претендуя на обобщения, обратимся к истории Надежды Дмитриевны Хвощинской.

«О житье-бытье в детстве и ранней молодости»

«Псевдонимы вовсе не имеют никаких биографий» — так отвечала Хвощинская библиографу П.В. Быкову, который обратился к ней с вопросами по поводу ее биографии [16, с. 65]. Писательница тщательно оберегала неприкосновенность своей частной жизни, желая оставаться для читателей лишь печатными страницами, подписанными именем *В. Крестовский*. Но в 1884 г.² в ответ на просьбу С.А. Венгерова она все же попыталась написать краткую автобиографию. В материалах первого биографа Хвощинской В.И. Семевского сохранились копии трех набросков под общим названием «Начало автобиографического наброска Н.Д. Зайончковской для словаря С.А. Венгерова», которые были использованы им при написании биографического очерка о писательнице [8]. Приводим текст второго наброска, дополненный в угловых скобках информацией из двух других³.

¹ Ковалевская С.В. Воспоминания. Повести. М.: Наука, 1974. С. 221–222.

² Перед вторым наброском проставлена дата «8 ноября 54», но это явная описка.

³ ГАРФ. Ф. 801. Оп. 1. Ед. хр. 115. Л. 223–226. Зачеркнутые слова приводятся в прямых скобках [].

Мой дед был дворянин и помещик Рязанской губернии. У него была [огромная семья] — четыре сына и восемь дочерей. Я дочь меньшого сына Дмитрия и родилась 20 мая 1825 г.⁴, когда деда уже не было на свете. Двое моих дядей служили, старший жил вместе с бабушкой и всеми сестрами то в деревне около Рязани, то в самом городе. Мой отец очень [рано] молодой служил в артиллерии, очень молодой женился в Белоруссии на Юлии Дробышевской, польке по отцу и русской по матери (Рубец) — потом служил в статской службе в рязанских уездных городах. (Хвощинских очень много, из них я знала только более близких родных [из них есть и родные и однофамильцы моей семьи]. Был ли кто-нибудь замечателен в их роде — не знаю; вообще в моей семье никогда не говорилось о происхождении, о славе предков и тому подобном) — жил очень недолго в деревне и наконец переехал в Рязань, где оставался более десяти лет без службы и занятия вследствие одного ужасного дела. Мне следовало бы рассказать лучше его, чем свою биографию, тем более что мне оно хорошо известно. Четырех лет я уже читала и писала, а девяти, когда шло это отцовское дело, я писала все бумаги и письма отца. Таким образом мне довелось узнать очень рано жизнь со всеми ее подробностями и нуждой, и людей со всеми их отношениями и несправедливостями. <I. Оно рано дало мне понять жизнь, отношения людей, нужды и несправедливость (?) и особенно узнать и оценить моего отца и мать. Любя и оберегая нас, он нас не отстранял (?) от своих забот, не давал нам расти в неведении трудностей жизни, уважая нас, делал нас участниками того, что переживал сам>. На меня в детстве влияла не книга, а действительность, которая меня окружала. Никакая книга не представляла и не могла мне представить образов [мужества, честности, терпения, труда, ничем не вознаграждаемой преданной любви] выше тех, которые стояли перед глазами, — моих отца и матери. Хотелось бы говорить о них, о дорогой семье теток, о житье-бытье в детстве и ранней молодости, когда бывало часто очень трудно, но тем всегда сердечно и хорошо, что никому не завидовалось. Я старшая, у меня были еще брат и три сестры. Теперь в живых только одна из теток и меньшая сестра, обе почти слепые. Постараюсь, чтоб не отвлекаться личными не воспоминаниями, а всеми жившими существами (?), [обращаюсь] хотя не знаю, как отделить их (?) от моей [к своей незначительной] литературной биографии.

⁴ О дате рождения Хвощинской см. далее, а также: [10].

<I. Читала я лет с пяти решительно все, что попадалось по-русски и по-французски [романы, стихотворения], но преимущественно (?) статьи в журналах, часто разрозненных. Своих книг у нас [не] было мало; их брали у знакомых. [Из этих статей] (sic), если можно так определить, — я училась [всеобщей] литературе. Память у меня была хорошая. Я знала имена всех классиков и их произведений; некоторые французские сочинения (?) прочла в оригинале (?), другие знала в отрывках и переводах, которые встречались>. Четырех лет я знала грамоте, которой выучилась по «Телеграфу» Полевого [который отец велел мне читать] и читала все — романы, стихотворения, критические статьи; книги тогда были редки и дороги. Но все стали читать рано; нас всему учил отец и особенно мать. <I. Недавно в одной заметке обо мне было сказано, что мой отец *был хороший певец, музыкант и отличный живописец-аквалерист*. Это не совсем верно. У отца был хороший голос (общее в [таланте] семье: у двух моих теток и моей маленькой сестры были голоса удивительные), но эти таланты пропали даром, никогда не обработанные и известные только семье или немногим. Отец отлично схватывал сходство и чертил карандашом, но по разным причинам в молодости серьезно учиться живописи не удалось, позднее было некогда, так что после него даже у меня не осталось его набросков. Отец и мать, оба, были люди образованные, но прежде всего это были хорошие люди>. Позднее [когда пришло время отдать брата в гимназию и сестру] был «русский учитель» из студентов рязанской семинарии. Брат тогда готовился поступать в корпус, а вторая сестра Софья в институт. Когда отвезли их, я осталась с двумя меньшими сестрами (одна из них вскоре умерла), училась вместе с ними и сама учила их; мне было уже лет двенадцать, сестра меньше меня на семь лет, совсем ребенок (не могла быть подругой подростку); у меня была подруга-подросток, имя ее Н.Е. (она тоже умерла недавно), мы были неразлучны, читали, что только могли достать, и наконец сами принялись сочинять длинные и непременно исторические романы. Мы были под влиянием В. Скотта и французских романов сороковых годов — только не Ж. Занда и не Гюго, которые до нас не достигали. <III. Мы были под влиянием В. Скотта и французских романов [сороковых годов], тогда бывших в ходу в провинции, — только не Ж. Занд и не Гюго, которые не встречались [те до нас не достигали]. Как-то достали мне *Le Dernier Jour d'un condamné*; не умею сказать, что сделала со мною эта книга. [До того времени] Я читала уже многое, даже некоторые драмы Шекспира (во фр. переводе), но [выше] поразительнее этого я ничего не знала. С тех пор началось мое поклонение Гюго, и я поня-

ла, что искусство не должно существовать только для ... (?), должно иметь цель. Я мало знала русских книг. В Рязани не было библиотеки; никто из знакомых не получал Отечественных записок; прочла несколько стихотворений Лермонтова и отрывков Гоголя в каких-то враждебных рецензиях, а вовсе не знала Белинского. (Выписывать самим журналы не было средств). Кроме романов, я писала много стихов, это нравилось особенно моему отцу>.

<III. В детстве у меня была необыкновенная <память> [которая к двадцати годам] прочтя раза два, я заучивала наизусть стихи и даже прозу целыми страницами. К двадцати годам эта память пропала>.

Сведения, содержащиеся в автобиографических набросках, в целом ограничиваются 1840-ми гг. Материалом для комментария к ним и к истории дальнейшей жизни писательницы могут служить некоторые опубликованные материалы, а также архивные документы, находящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), отделе рукописей Института русской литературы АН (ОР ИРЛИ) и в рязанских хранилищах: Государственном архиве Рязанской области (ГАРО), фонде Хвоцинских в Государственном музее-заповеднике С.А. Есенина (ГМЗЕ) и Рязанском историко-архитектурном музее-заповеднике (РИАМЗ).

По отцовской линии Надежда Дмитриевна Хвоцинская происходила из старинного дворянского рода, внесенного в VI часть родословной книги Тульской губернии. Родоначальником этой ветви был Михаил Замятнин, «сын Хвоцинского», в 1622 г. получивший поместье от своего отца. В 1683 г. его сын Аким Михайлов «за многую службу» был жалован вотчинами. «Потомки сего рода равным образом служили в разных чинах и владели деревнями», что подтверждалось документами Тульского дворянского депутатского собрания⁵.

Земли в Тульской губернии унаследовал прадед будущей писательницы капитан Дмитрий Петрович Хвоцинский. Имена его жены и дочерей до нас не дошли, но известны имена сыновей: Петр, Александр, Кесарь и Наркиз. Дед писательницы Кесарь Дмитриевич (ум. после августа 1811), артиллерии подпоручик, был женат на Надежде Павловне Леоновой (ум. после апреля

⁵ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи (ОГ). Ч. 8. URL: <https://gerbovnik.ru/arms/1146.html> (дата обращения: 15.01.2025).

1834), дочери премьер-майора Павла Васильевича и Афимьи Артамоновны. В семье К.Д. и Н.П. Хвоцинских было двенадцать детей: сыновья Николай (род. ок. 1784), Павел (20.02.1792–5.01.1852), Петр (род. ок. 1795), Дмитрий (ок. 1796–1.11.1856) и дочери Екатерина, Любовь, Александра, Елизавета (ум. в 1871), Авдотья, Анна, Марья, Ольга (ок. 1807 – после октября 1883). По просьбе К.Д. Хвоцинского в 1796 г. «он и род» были внесены в дворянскую книгу Рязанской губернии⁶. Хвоцинским принадлежали шесть деревень и одно сельцо в Рязанской губернии, а также сельцо в Тульской губернии; крещеная собственность составляла «всего мужеска пола 209 душ с их женами <...> детьми приемыши внучаты женскаго пола, также с их крестьянским имуществом»⁷. Дед и бабка писательницы не были богаты, но, согласно семейным преданиям, считались зажиточными помещиками: Надежда Павловна «ездила из Рязанской губернии в Харьковскую в карете шестерней с фореятором, горничною, лакеем и кучером за четыре рубля ассигнациями» [15, с. I].

В 1811 г. супруги Хвоцинские разделили свое имущество между детьми, скрупулезно расписав причитающуюся каждому долю земельных владений и поименно перечислив крестьян с их женами, детьми и внуками. Все сыновья и старшая дочь получали по 18 «душ», остальные дочери — по 17. При своей жизни родители не велели детям ни «продавать», ни «закладывать» имение «без их воли» и «тем быть довольным и впредь о перемене друг на друга нигде не просить и никаких дел не начинать»⁸.

Родители воспитывали детей согласно принятым обычаям и своим возможностям: сыновей при рождении записывали в военную службу, дочерей в науку не отдавали, но обучали необходимым для жизни домашним рукоделиям. В очерке истории своей семьи младшая сестра Надежды Дмитриевны П.Д. Хвоцинская пишет, что «по обычаю того времени» дед все внимание обратил на сыновей и мало занимался образованием дочерей: «...они едва знали грамоту, но были известные рукодельницы и работали всё, начиная с простого суконного чулка до самой тонкой вышивки золотом» [15, с. I]. О том, что сестры Хвоцинские были искусными мастерицами, говорит тот факт, что при посещении Рязани членами царской семьи в августе 1837 г. они преподнесли наследнику ковер собственноручной работы

⁶ ГАРО. Ф. 98. Оп. 11. Д. 46. Св. 98. Л. 2–3.

⁷ ГАРО. Ф. 98. Оп. 11. Д. 46. Св. 98. Л. 8–9 (копия свидетельства о разделе имущества между детьми).

⁸ ГАРО. Ф. 98. Оп. 11. Д. 46. Св. 98. Л. 9 об.

и впоследствии были пожалованы бриллиантовыми фермуарами [7, с. 116].

Жизнь сестер Хвоцинских устроилась так, как нередко бывало в небогатых дворянских семьях. Мария жила в семье брата [15, с. IV], Ольга, младшая, служила надзирательницей в Доме Трудолюбия для девочек из неимущих семей⁹, пятеро (?) других жили вместе¹⁰, судя по всему, замужем была только одна из сестер. Прасковья Хвоцинская вспоминала, что дом теток был «единственным местом отдохновения, которым почти каждое воскресенье пользовалась вся семья» [15, с. III]. Она писала о веселости, смешливости и остроумии Анны, за которой племянницы «ходили <...> хвостом»: «...особенно баловала нас тетка Анна, <...> она была хозяйкой в доме, и у нее всегда находилось для нас что-нибудь в запасе» [15, с. IV]. В воспоминаниях А.Г. Каррик (урожд. Маркеловой), близкой подруги младших Хвоцинских, описывается атмосфера дома их теток: «В этом теплом, уютном уголке, среди милых, радушных старушек, очень неглупых и веселых, чуждых всякого поползновения читать молодежи нотации, всем нам было привольно и хорошо» [3, № 9, с. 14]. Сохранился эпистолярный отзыв Н. Хвоцинской об Ольге Кесаревне: «...милая из милых и хорошая из хороших <...> покуда она лежит больная в гостиной своего Дома Трудолюбия (у нее не бывало своей спальни: она спала среди своих девочек), в зале эти 60 девочек не думают ни играть, ни даже говорить громко: “мамаша больна” <...> Тетка она мне — это само по себе, — но человек-то она каких немного, а уж это для меня выше всего»¹¹. Характеры теток и атмосфера жизни в их доме стали биографической основой рассказа Софьи Дмитриевны Хвоцинской «Простые смертные» (1858) и повести Н. Хвоцинской «Первая борьба» (1869)¹².

Все сыновья Кесаря Хвоцинского принимали участие в войне с Наполеоном. Дмитрий начал службу в действующей армии в апреле 1812 г.¹³ С октября 1813 по июль 1814 г. он участвовал в загра-

⁹ ГАРО. Ф. 261. Оп. 1. Ед. хр. 584. Л. 3–5 об., 12.

¹⁰ О том, что в начале 1850-х гг. сестер было пятеро, не вполне уверенно писала А.Г. Каррик [3, № 9, с. 14]. Если считать, что в рассказе «Простые смертные» С. Хвоцинская буквально следует фактам, то в конце 1850-х гг. одним домом жили четыре сестры — «одна вдова и три старых девушки, из которых меньшая уже перешла свои сорок пять лет» (*Весеньев Ив.* Простые смертные. Очерки из провинциальной жизни // Отечественные записки. 1858. № 9. С. 2).

¹¹ РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Ед. хр. 851. Л. 58–58 об.

¹² Тему стародевичества как обычного явления в небогатой дворянской среде Н. Хвоцинская актуализировала названием одного из томов четырехтомного собрания своих сочинений — «Старые девы» (Повести В. Крестовского (псевдоним). СПб.: Кн. магазин «Нового времени», 1880. Т. I).

¹³ Как показывают исторические исследования, 0,5 % участников Отечественной

ничных походах и, как отмечено в формулярном списке, побывал «в герцогстве Варшавском, Пруссии, Шлезии¹⁴, Богемии, Баварии, Саксонии»¹⁵. Путь в эти края проходил через Могилевскую губернию, где в Рогачевском уезде проживало семейство Дробышевских¹⁶. Возможно, здесь и произошло знакомство будущих родителей писательницы. С ноября 1817 по март 1818 г. Д. Хвоцинский находился в длительном отпуске (4,5 месяца) и, вероятно, в этот период женился на Ю.В. Дробышевской-Рубец (21.06.1801/1799–26.05.1884) [8, № 10, с. 51]. Это согласуется с рассказом П. Хвоцинской о том, что родители поженились в Белоруссии и отцу тогда было 22 года, а матери 16 лет [15, с. I]. В марте 1821 г. Дмитрий Кесаревиц вышел в отставку «по домашним обстоятельствам»¹⁷, таким «обстоятельством» могло быть предстоящее рождение ребенка — старшей дочери Надежды.

О дорязанском периоде жизни Юлии Викентьевны Дробышевской известно лишь из воспоминаний ее дочери Прасковьи Дмитриевны, которая писала, что мать семи лет осталась сиротой и воспитывалась у богатого дяди с материнской стороны Ивана Ивановича Рубца. П. Хвоцинская сообщала также, что мать училась музыке у известного музыканта Даниэля Штейбельта. Штейбельт приехал в Россию в 1808 или 1809 г. [2, с. 25–27], местом его пребывания в основном был Петербург, поэтому надо полагать, что в это время там жила и осиротевшая Юлия Дробышевская. Однако среди петербургских жителей нам не удалось найти И.И. Рубца. Согласно «Малороссийскому родословнику» В.Л. Модзалевского, единственный подходящий по времени Иван Иванович Рубец (род. ок. 1755/1759) после многих лет службы в Полоцкой казенной палате вышел в отставку в чине надворного советника, в 1812 г. приобрел небольшое имение в Тамбовской губернии и жил в Тамбове, причем, судя по количеству земли и крестьян, был он совсем не богат¹⁸. Но в Петербурге жил его младший брат Петр Иванович (1778–1833), который с 1805 г. служил в архиве Министерства финансов, с 1809 г. был экспедитором Петербургского почтамта и дослужился до чина

войны были в возрасте 16–17 лет (*Целорунго Д.Г.* Формулярные списки офицерского корпуса русской армии эпохи Отечественной войны 1812 года. URL: <http://ebookiriran.ru/index.php?view=article§ion=9&id=700> (дата обращения: 15.01.2025).

¹⁴ До 1815 г. Силезия была прусской провинцией.

¹⁵ ГАРО. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 46. Св. 98. Л. 28 об. Копия формулярного списка Д.К. Хвоцинского.

¹⁶ Метрические книги православных и римско-католических приходов Белорусской губернии — Ревизии 1795–1858 гг. URL: <https://forum.vgd.ru/post/4409/135732/p4249162.htm#p4249162> (дата обращения: 15.01.2025).

¹⁷ ГАРО. Ф. 98. Оп. 11. Д. 46. Св. 98. Л. 28 об.

¹⁸ *Модзалевский В.Л.* Малороссийский родословник. Киев: Тип. т-ва Фронцкевича и К°, 1914. Т. IV. С. 378.

статского советника. В 1814–1833 гг. он состоял членом Английского клуба [9, т. III, с. 298–299] и занимал видное положение в ряде ма-сонских лож: «Владимира к порядку», «Елизавета к добродетели», шотландской ложи «Сфинкс», был членом-основателем ложи «Трех светил» («Три светила»), хранителем казны капитула «Феникс» и посещал шотландскую ложу «Александр золотого льва» [9, т. IV, с. 251, 294, 465, 481, 504, 220]. Это дает основание полагать, что если сведения П. Хвоцинской верны, то ее мать воспитывалась в семье не Ивана Ивановича, но Петра Ивановича Рубца. Младшую сестру братьев Рубцов звали Прасковьей, вероятно, она и была матерью Юлии Хвоцинской, которая в честь нее назвала свою младшую дочь. Наши предположения отчасти подтверждаются недавней книгой об истории рода Дробышевских, где год рождения Юлии Викентьевны обозначен как 1799-й, а ее родителями названы Викентий Иосифович (род. в 1770) и Прасковья Рубцова (род. ок. 1777). Вместе с тем из приведенной в книге родословной сводки следует, что их младший сын Алексей родился в 1815 г.¹⁹, следовательно, Юлия не могла осиротеть в семилетнем возрасте. Это однако не отменяет того, что и при живых родителях она могла какое-то время воспитываться в семье своего дяди.

Судьба Д.К. Хвоцинского сложилась драматично: по ложномуговору он был отдан под суд и лишился всего имущества. Процесс длился долгие годы — с 1832 по 1844, однако невзгоды не разобили, а еще больше сплотили его семью. В сложной ситуации родители преподавали детям уроки жизнестойкости, они сами много трудились и приобщали к труду детей. Впоследствии, когда отец получил в 1845 г. должность уполномоченного от казны по размежеванию земель, Надежда выполняла секретарские обязанности: вела канцелярию и переписку, занималась копированием планов и чертежей — эти автобиографические детали писательница позже включила в характеристику главной героини романа «Большая Медведица» (1870–1871) Катерины Багрянской.

Хвоцинские жили открытым домом, в котором были и радость и веселье. Трогательная любовь членов семьи друг к другу выражалась в форме шуточных именовании. Сестры называли себя *овцами*, или на французский манер — *бребишками*, за Надеждой с ранних лет закрепилось прозвище *бульдог*, данное ей отцом, она в письмах так себя и называла, чаще всего латиницей — *bulldog* [3, № 9, с. 13], сестру Софью именovala *принцесса*, *белка*, *biska*; когда у брата поя-

¹⁹ Очерки по истории рода Дробышевских. XV – начало XX вв. М.: Международный Генеалогический центр, 2019. С. 407.

вились сыновья, о которых больше всего заботилась Прасковья, ее стали называть *тетя Паши*; нежность к матери выливалась в именования *Жюли, Juli, император* и обычные в девичьем обиходе *ангел, бесценный ангел, душка*. Об особой атмосфере дома Хвоцинских вспоминала А. Каррик: мать «отличалась от большинства провинциальных дам своею естественностью», отец «был умный, даровитый и замечательно симпатичный человек», в их доме «не занимались ни картами, не пересудами, а интересовались литературой, искусствами и общественными вопросами» [3, № 9, с. 4, 6].

Атмосферу родительской семьи Хвоцинская впоследствии воспроизвела в обстановке жизни Алетьевых в рассказе «Из записной книжки» (1876):

Они были очень небогаты. Отец служил весь век не наживаясь; но ни он, ни жена, ни дочь не заботились о завтрашнем дне, всегда готовые на всякий тяжелый день. Но жилось изящно... именно, изящно: иначе этого не назовешь. Хозяйство велось, конечно, с трудом, но как-то невидимо, а между тем без стараний что-нибудь скрыть, без смешных претензий. В дом не входили губернские сплетни, чиновничьи интриги, пошлости, дурные люди. Знакомых у Алетьевых было довольно, и очень разнообразных; но, приходя к ним, все как-то невольно принимали склад хозяев: говорили откровеннее, смеялись веселее, держались проще, чувствовали себя свободнее. <...> Там много читали; для книг забывалось необходимое. Алетьев был человек образованный, загнанный несчастием...²⁰.

Обстоятельства, омрачавшие жизнь Д. Хвоцинского, не сказались на его репутации, и он оставался уважаемым членом общества. Его имя значилось в списке лиц, которые были удостоены представиться проезжавшим через Рязань в августе 1837 г. членам императорской семьи²¹. В октябре 1837 г. в ответ на запрос об образе жизни и поведении Хвоцинского рязанский уездный предводитель дворянства П.Г. Приклонский сообщал, что он «образа жизни и поведения отлично хорошего», «не замечен ни в каких поступках не приличных его званию», в период подготовки к встрече царственных особ «принимал на себя разные должности и везде оказывал

²⁰ Крестовский В. Из записной книжки // Отечественные записки. 1877. Т. 230. № 1. С. 122. В собраниях сочинений Хвоцинской рассказ публикуется под названием «Вера».

²¹ ГАРО. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 33. Л. 129 об.

усердие и бескорыстие, достойные внимания»²². Д. Хвоцинский не отличался практическими способностями, но был наделен художественными талантами, один из которых состоял в рисовании силуэтов. Некоторые его работы, изображавшие представителей рязанской аристократии 1830–1840-х гг., хранились в семье столпов этого общества Рюминых. Копии нескольких работ в начале XX в. были опубликованы в статье их потомка Е. Погожева²³ и дополнены в книге современных рязанских историков [4], однако местонахождение оригиналов неизвестно.

Родители стремились дать детям достойное домашнее образование и стимулировали развитие их способностей. В семье поощрялся рано проявившийся интерес Надежды к литературе. Вероятно, в начале 1840-х гг. отец подарил ей толстую тетрадь в черном переплете, на форзаце которой сделал надпись:

Черная книга светлых идей
Черной головки дщери моей,
Талант самобытный признан уж в ней.
Пиши не ленись, чернил не жалей,
В ряды вдохновенных втеснися скорей²⁴.

До 1852 г. Надежда начисто переписывала в эту тетрадь свои стихотворения, некоторые из них впервые появились в домашнем журнале «Звездочка», о чем говорят соответствующие пометы. Всего в «черной книге» 196 пронумерованных текстов, не считая поэмы «Деревенский случай». Кроме оригинальных произведений, здесь есть и переводы — в основном из В. Гюго, но также из А. де Ламартина, А. Латура, Ф. Шиллера, Й.Х. фон Цедлица²⁵. Часть тетради осталась незаполненной, хотя Хвоцинская продолжала писать и публиковать стихи до конца 1850-х гг.

После 1842 г. ее поэтическая известность перерастает домашние границы. В «Сыне Отечества», «Литературной газете», «Иллюстрации», «Пантеоне», «Отечественных записках» до 1852 г. включительно была напечатана почти треть стихотворений из «черной книги», что в каждом случае отмечено в самой «книге». В последующие годы Хвоцинская опубликовала еще несколько стихотворений из этой

²² ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 2307. Л. 3.

²³ Погожев Е. Силуэты // Столица и усадьба. 1914. № 14–15. С. 30–32.

²⁴ РГАЛИ. Ф. 541. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 1. Здесь и далее тексты приведены в соответствии с современными грамматическими нормами. Вперв. опубли.: [8, № 10, с. 53].

²⁵ У Хвоцинской: Зедлиц.

тетради, но большая часть текстов никогда не появлялась в печати. Стихотворное наследие писательницы не исчерпывается «черной книгой»: часть неопубликованных текстов она переписала в альбом семьи Алябьевых (см.: [11]), кроме того, некоторые стихотворения остались в черновиках и вполне возможно, что не все они выявлены.

Как явствует из автобиографических набросков, в отроческие годы Хвоцинская вместе со своей сверстницей Надеждой фон Винклер²⁶ писала исторические романы. Впоследствии, иронизируя по поводу этих ранних эпических опытов, Хвоцинская признавалась О.А. Новиковой: «...я писала исторический роман из времен покорения Ирландии. Место действия был — Ватербруд, а героиня Эва Меаргад, наследница Минстера и жена Ригарда Стронбоу; как она была хороша и несчастна! Как она любила Каталя О'Коннора, <герцога ?> Конноутского! Что они натворили с этим Каталем!... Так что мой отец ахнул, когда я прочла ему написанное во всей невинности моего сердца!...»²⁷.

В 1850 г. под псевдонимом *В. Крестовский* была опубликована первая повесть Хвоцинской «Анна Михайловна», и с этого времени беллетристика становится основным родом ее литературных занятий. Отмечая недостатки отдельных произведений, критики вместе с тем приветствовали автора как «человека, у которого есть дорогие убеждения, который привык всматриваться в жизнь и душу глубже, нежели это обыкновенно делается»²⁸. Произведения Хвоцинской пользовались читательским признанием, она получала сочувственные письма от знакомых и незнакомых людей. Некоторые из них сохранились. Вот что писала, например, 14 сентября [1858] А. Маркелова (Каррик): «Я читала, Надя, твоё *Старое горе*. Что это за прелесть! Ты просто святая в твоих произведениях (не только этом), право, <...> на последней странице у меня с носу на книгу свалилась слеза, ей Богу, Надя, это еще делается со мною, когда я читаю *Муму* Тургенева»²⁹.

У писательницы, как у автора с мужским псевдонимом, даже появилась постоянная поклонница — провинциальная барышня, которую она называла *Catherine* и с которой вела переписку от имени В. Крестовского. Сознывая всю неприглядность ситуации, Хвоцинская попыталась раскрыть мистификацию и объявить почи-

²⁶ Надежда Егоровна фон Винклер (1822/1823 – середина 1880-х); ей посвящены стихотворения «Слезы (1840)», «Последнее свидание» (1843), «Прости, я радуюсь, о друг, твоей печали» (1848) (РГАЛИ. Ф. 541. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 8, 17, 31).

²⁷ РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Ед. хр. 852. Л. 30.

²⁸ Москвитянин. 1852. Т. V. № 17. С. 39.

²⁹ РИАМЗ. КП 6413/16. Л. 3–3 об.

тательнице свой истинный пол, но та ей не поверила [3, № 11, с. 40]. По словам В.Р. Зотова, на признание писательницы корреспондентка ответила: «Я давно слышала, что Крестовский — женщина, но кто же этому поверит?»³⁰

1850-е – первая половина 1860-х гг. были ярким и насыщенным временем в жизни Хвоцинской: о ней узнали и заговорили в литературном мире, в Рязань для знакомства с ней специально приезжали столичные литераторы, в конце 1852 г. она впервые побывала в Петербурге и впоследствии не раз посещала столицу, одна и с сестрой Софьей. Здесь у нее установились дружеские контакты с семьями Краевских, Зотовых, Никитенко, Толстых и др., она постоянно бывала в Эрмитаже и в мастерских художников, посещала оперу, которую страстно любила, — словом, получала тот необходимый интеллектуальный и эмоциональный заряд, которого ей недоставало в провинциальной Рязани, — по ее собственным словам, «припасала холерин». В творческом отношении это был очень плодотворный период: написаны и опубликованы 8 романов (из 11), об одном из которых — «В ожидании лучшего» — в высшей степени похвально отозвался журнал «Время»: «...роман В. Крестовского есть явление, которое не прошло бы незамеченным ни в одной литературе, а в нашей, если взять в соображение нашу относительную бедность, такие романы должны бы производить огромное впечатление»³¹. Роман этот был настолько популярен, что, представляя следующее произведение Хвоцинской, «Отечественные записки» аттестовали ее как «автора романа “В ожидании лучшего”»³². В 1859 г. вышло в свет 6-томное собрание сочинений (7-й том был опубликован в 1866), до 1859 г. она продолжала печатать стихи и опубликовала перевод двух стихотворных трагедий, а в начале 1860-х гг. впервые выступила в роли литературного критика. Семья гордилась своей писательницей и поддерживала ее. И хотя существование семьи постоянно осложнялось финансовыми проблемами, но жилось, как скажет Хвоцинская в автобиографии, «всегда сердечно и хорошо...» Эти слова относятся к «детству и ранней молодости» писательницы, но они вполне релевантны и для 1850-х – первой половины 1860-х гг.

³⁰ Зотов В. Надежда Дмитриевна Хвоцинская (Из воспоминаний старого журналиста) // Исторический вестник. 1889. № 10. С. 97.

³¹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1984. Т. XXVII. С. 149. Фрагмент из статьи «Гаваньские чиновники в домашнем быту, или Галерная гавань во всякое время дня и года» (1861): автор не установлен, комментаторы называют Ап. Григорьева, но предполагают редакторское вмешательство, даже своеобразное «соавторство» Ф.М. Достоевского.

³² Отечественные записки. 1865. Т. 158.

Сёстры Хвошинские

У Д.К. и Ю.В. Хвошинских было пятеро детей, годы рождения троих — Надежды, Софьи и Прасковьи — не документированы. Традиционно считалось, что Надежда родилась в 1824-м или 1825-м (расходятся свидетельства самой Надежды Дмитриевны, называющей 1825 г., и Прасковьи Дмитриевны, которая указывает 1824 г. [15, с. III]), Софья — в 1828-м, а Прасковья в 1831-м, однако эти даты вызывают сомнение. В январе 1830 г. Д. Хвошинский подал прошение в Дворянское депутатское собрание, где указал возраст своих детей: Кесарю 3 года, Надежде 8 лет, Софье 4, Любви 2, Прасковье 1 год³³. Из архивных источников известны точные даты рождения Кесаря — 5 марта 1826 г., и Любви — 28 февраля 1827 г.³⁴ Таким образом, вполне очевидно, что в прошении отца возраст Кесаря и Любви указан точно, а это дает повод предполагать, что точно назван и возраст других детей. В таком случае оказывается, что Надежда родилась в 1821 г., Софья — в 1824-м или 1825-м, Прасковья — в 1828-м (см.: [10]). Дополнительным подтверждением такой датировки может служить медицинская справка, выданная П.Д. Хвошинской в мае 1895 г., где сказано, что ей 66 лет³⁵.

В семье отношения строились на взаимном уважении, и дети, особенно девочки, были дружны между собой. Вместе с тем уже в отроческие годы Надежда испытывала острую потребность в родственной душе — близком человеке, который разделял бы ее интересы и стремления. Эта мысль звучит в раннем стихотворении «Другу» (1836), посвященном «сестре Любиньке»:

И в мире этом одиноко
Не буду жизнь свою влечить.
И о стране чудес далекой
Я с другом буду говорить!..

В 1838 г. Люба умерла, и у Надежды остались две сестры, отношения с которыми складывались по-разному. С малых лет она была очень привязана к Софье, и эта привязанность сохранилась на всю жизнь. В 1836 г. Софью отвезли на учебу в Московское училище ордена святой Екатерины. О тоске по сестре и тяжести разлуки с ней

³³ ГАРО. Ф. 98. Оп. 15. Д. 31. Св. 1106. Л. 1167 об.

³⁴ ГАРО. Ф. 98. Оп. 11. Ед. хр. 46. Св. 98. Л. 26, 36.

³⁵ ИРЛИ. Ф. 540. Оп. 2. № 72. Д. 68. Л. 7–8. Искренне благодарю научного сотрудника ИРЛИ Светлану Алексеевну Ипатову за эту информацию.

Надежда писала в стихотворении «Две звездочки» (1838). В 1843 г., закончив обучение, Софья вернулась домой. Еще в Екатерининском училище преподаватель словесности А.Д. Галахов отметил ее особенную способность к «свободному литературному изложению»³⁶. Когда в 1856 г., после смерти Д.К. Хвошинского, остро встал вопрос о средствах существования семьи, Софья Дмитриевна начала заниматься литературным трудом, выбрав псевдоним *И. Весеньев* (*Ив. Весеньев*) [14], и такая общность занятий еще больше укрепила связь между сестрами.

И внешне, и по характеру они были полной противоположностью. По словам А. Каррик, белокурая Софья в молодости считалась одной из самых красивых девушек Рязани, — смуглая, черноглазая Надежда, перенесшая в детстве английскую болезнь (рахит), не отличалась внешней привлекательностью³⁷. Разные по натуре, они очень дополняли друг друга: «более хладнокровная, с трезвым, анализирующим умом», Софья была склонна к компромиссам, Надежда отличалась «порывистостью, восторженностью», она «сильно поддавалась своему воображению», бывала «пристрастна к тем, кто внушал ей сочувствие, и не всегда справедлива к антипатичным ей людям» [3, № 9, с. 4, 8]. Сестры прекрасно понимали, любили и высоко ценили друг друга. Более рациональная Софья уравнивала склонную увлекаться Надежду. Как писала Каррик, «это были <...> два совершенно различных ума и одна душа» [3, № 9, с. 8]. По словам другой подруги — М. Андреевой, «они до того были дружны, так сходились во взглядах и понятиях, что нередко им случалось одновременно высказывать одну и ту же мысль, почти одними и теми же словами» [8, № 10, с. 51–51].

С начала 1840-х гг. сестры более двадцати лет жили бок о бок и редко разлучались. Во второй половине 1850-х – первой половине 1860-х гг. они не раз ездили вместе в Москву и Петербург, где иногда подолгу гостили. О характерах членов семьи, особенностях их жизни и взаимоотношений дают представление сохранившиеся письма, в том числе два из них, посвященные одной теме. Они были

³⁶ Галахов А.Д. Записки человека. М.: НЛО, 1999. С. 131–132.

³⁷ О своем впечатлении от знакомства с сестрами Хвошинскими в Петербурге зимой 1863–1864 гг. П.Д. Боборыкин вспоминал: «...некрасивая, с умным, мало женственным лицом, Н.Д. на вид и тогда уже казалась лет сорока, если не больше. Первое впечатление она как женщина производила очень невыгодное: маленький рост, сутуловатость, резкость черт лица при разговоре уступали место другому: выразительные большие глаза, умные и ласковые, милый задушевный тон и нервная пылкость речи. <...> Сестра ее смотрела как есть, пожилой девой, но по тону не отзывалась провинцией; Н.Д. выглядела, скорее, замужнею. В обеих я нашел известного рода светскость с московским дворянским оттенком» (*Боборыкин П.* Более четверти века (Из воспоминаний о Н.Д. Хвошинской) // *Новости и Биржевая газета.* 1889. № 189. 12 (24) июля. С. 2).

написаны в мае 1858 г. и адресованы матери, совершавшей паломническую поездку в Киев. Первое — от Софьи и Надежды, которые в то время находились в Петербурге, второе — от остававшейся в Рязани Прасковьи.

<Письмо С. и Н. Хвошинских>³⁸

15 мая 1858. СПб.

Бесценная моя мама, где ты теперь, моя душечка, куда мы тебе пишем, как ты едешь, здорова ли, ангел мой? Я так была удивлена и обрадована, что тебе наконец удалось съездить в Киев, где тебе всегда хотелось быть, и проехаться, освежиться немного. Бог даст, ты съездишь благополучно, мы скоро увидимся и много друг другу порасскажем после такого долгого отсутствия.

О том, как мы распорядились нашим временем в твоём отсутствии, ты сперва будешь удивлена, а потом увидишь, что тут ничего нет неблагодарного. Катенька³⁹ уезжает отсюда 19-го числа и предоставляет нам гостить здесь, потому что квартира остается за нею, и люди здесь остаются. Князь сам за Машей⁴⁰ не едет, а, как они пишут, должен был ей выслать деньги, и она сама с детьми к нему едет, значит, в экономии одной поездкой меньше. Паша, натурально, не осталась бы одна в Рязани, а уехала бы в Алабино. Мы подумали: что уж <?> лучше ей это время с нами провести. Маша ее довезет до Москвы, а там весь разор ее поездки сюда будет состоять в 6 руб., потому что мы платили за места всего по 4, а остальное — вес вещей и еда на сутки — за глаза довольно.

Расчет пробыть это время в Рязани нам всем трем или здесь — решительно одинаков: как здесь, так и там, надо питаться и платить твоим бребешкам, а тут мы уже подумали с Надей, как можно будет экономнее иметь без Катеньки стол; ты, может быть, помнишь, как я была скупа, когда три года назад ездила сюда и тебе рассказывала. Для того чтобы оставить в Рязани дом без затруднений, мы послали Паше 10 руб. сереб., она сочтет, что нужно людям на это время, и должки кое-какие заплатит. Ты не думай, чтоб мы здесь по этому случаю вошли в долги, нисколько, на этот счет будь покойна со-

³⁸ ГМЗЕ. Ф. Хвошинских. ОНФ КП. 6162/1. Р-524. Л. 1–2 об. (первая часть письма написана Софьей, вторая — Надеждой).

³⁹ Екатерина Авраамовна Акифова, урожд. Хвошинская (1820–1888), кузина Н. и С. Хвошинских, дочь их двоюродного дяди Авраама Петровича Хвошинского (1793–1860). См. о них: [11, с. 327–329, 324].

⁴⁰ Неустановленные лица. Возможно, Мария Наркизовна Цемирова, урожд. Хвошинская, двоюродная тетка сестер, и ее кузен по материнской линии князь Борис Петрович Барятинский (1813/1816–1896).

вершенно. Впрочем, когда ты получишь это письмо, мы уже сами будем помышлять собираться отсюда; все три воротимся в Рязань в конце июня и будем ждать тебя, мое сокровище. Мы живем с Надей очень весело, гуляем и работаем тоже. Покуда ты будешь молиться в Киеве, нам, может быть, удастся видеть здесь освящение Исаакия⁴¹. С Катенькой расстанемся как истинные друзья, она такая славная и хорошая. Дядя⁴² был в Париже, откуда пишет, что едет в Германию на воды. Остальные все здоровы. — Мне совсем было бы хорошо на душе, если бы не грусть по Мимишке⁴³; как подумаю, что воротимся и этого птенчика дома не будет, так жаль становится. А впрочем, что вперед Бог даст, лишь бы ты была здорова, мамочка моя хорошая. Целую тебя <нрзб.> мое, тысячу раз и жду твоего письма.

Твоя Соня.

Мама, ангел мой, ты видишь, как мы пока распорядились; к твоему возвращению будем мы дома, как будто и не ездили, каждая из нас навезет вестей и рассказов, а мы постараемся припасти холерин, чтобы быть покойны хоть на первое время. Мы здоровы и веселы, особенно рады за тебя, мамочка, что ты прокатишься, mт Cосо, а то коко засиделось на одном месте. Мы здесь поживаем, как жили, — развлекаемся у Сашеньки⁴⁴, смотрим достопримечательности. Ужасно весело подумать, что покажем что-нибудь Паше, — Эрмитаж, соборы, большую реку с пароходами, — хотя она, вероятно, будет их так бояться, что не сядет на них ни за что... Соберемся, мама, и все это будем рассказывать. Еще успеем с съездить к другу Лизи⁴⁵ — лето еще велико — будь только непременно здорова, мамочка, Imperator мой, сколько можно, потолстей, — как, например, я — которой все говорят, что я потолстела и прибавляют еще Не смею сказать из скромности или из гордости, потому что Boldozik <?> так хорош, что нечего и уверять его, будто он похорошел: он это и без того знает. Biska начала быстро поправляться, да лето нас сгубило: погода чудная, — она все бегаёт и загорела очень, — а впрочем, очень мила. Нам скучно по Мимишке, мама, — это ведь справедливо и то, что отцу и матери тоже скучно по нем и они еще больше нашего вправе скучать. Mila, ты нам напиши из Киева, — помолишься Богу и привези мне, ангел мой, веточку с дерева грецкого ореха; — что за листик

⁴¹ Освящение Исаакиевского собора состоялось 30 мая 1858 г.

⁴² Хвоцинский Авраам Петрович.

⁴³ Дмитрий Хвоцинский — нежно любимый всеми сестрами сын их брата Кесаря.

⁴⁴ Александра Григорьевна Маркелова, в замужестве Каррик.

⁴⁵ Вероятно, Елизавета Константиновна Доппельмайер (род. 1825), подруга Н. Хвоцинской, которой адресованы некоторые ранние стихотворения.

на нем? Мне так хочется это видеть. Целую твои ножки, жизнь моя, будь покойна и здорова, красота моя мамочка Julia <нрзб.>.

Твоя Надя.

<Письмо П. Хвощинской>⁴⁶

10 мая Рязань <1858>

Милая и дорогая мамаша, верно, ты не меньше меня удивишься, когда прочтешь это письмо, я, когда получила от сестер точно такого же содержания, первое время не знала, что делать. На другой день твоего отъезда я получила от них письмо — ответ на твое, в котором ты писала им, что едешь и предоставляешь им самим распорядиться, как и где они хотят провести лето. Они на это отвечают что Катинька, уезжая 20-го мая, предоставляет им весь дом к их услугам, и потому они остаются в Петербурге до конца июня, и представь себе мое удивление, что они и Катенька вызывают меня к себе, говоря, что если бы ты была сама налицо, то не стала бы удерживать меня, а пустила бы скорее, нежели я сама на это решусь. Они прислали мне вексель 100 руб. сер., которые им дал Краевский в счет романа, который он еще не печатал, так что Надя пишет, что он еще будет у них в долгу и что у них, кроме крупных работ, которые они заготовили, много мелкой и что я им в них могу помочь. Из этих денег я заплатила весь долг Иван Ивановичу, все сполна с старым долгом отца Игнату, Софья мне сказала что мы давно очень были должны мяснику и что ты все годы — <нрзб.> сама отдать 15 руб. ассиг., я их заплатила, людям за месяц жалованье и оставляю им денег на еду, я разочла с Софьей и оставляю им 7 руб. сер., я отдавала долг Анночке Казначеевой, да она у меня его не взяла, сказала, что теперь решительно не берет и что я могу ей их заплатить, когда буду богаче, а что теперь при отъезде мне нужны они самой. Слепцов уехал, ты с ним увидишься, там деньги ему не нужны, потому что он все продал, он говорит, чтобы много не заботиться, и может ждать до сентября. О доме сестры пишут, что до июня, верно, его никто не наймет, а к твоему приезду мы приедем в Рязань, чтобы тебя встретить, и тогда все вместе поедем в Алабино, об этом знает М. Николаевич⁴⁷, потому что письмо было получено при нем. Во всяком случае я, уезжая, приклею объявление, что отдастся внаймы, всего просить 300, а отдавать за 250 руб. сер., скажу, какая мебель остается, какую мы сами берем; за тарантас назначили 80, а отдавать за 75 руб. сер., одним словом,

⁴⁶ ГМЗЕ. Ф. Хвощинских. ОНФ КП. 6162/1. Р-526. Л. 1–4 об.

⁴⁷ Возможно, Михаил Николаевич Цемиров, муж двоюродной тетки Хвощинских.

сделаю так, как ты говорила, попрошу Казначеева, чтобы приказал своей <нрзб.> смотреть за домом и сам бы иногда посмотрел, все ли у нас в порядке. В сундук сложу все серебро; книги все вынесу в кабинет, образа уложу, о журналах Надя писала, что поручает их тетке Марье, она так этому обрадовалась, что носится как кошка с салом. *Иллюстрацию* отдала все М. Николаевичу. Кажется, моя радость, все сделано как следует, и я уверена, мое сокровище, что ты не найдешь ничего дурного в том, что я соглашаюсь уехать к сестрам. Из Рязани я поеду с Машей. Князь пишет, что Николай⁴⁸ предложил ему даровую дачу в Волынском и он вышлет ей денег, чтобы она ехала. Сегодня Маша пишет ему, чтобы денег он не высылал, потому что ей прислал дядя, а чтобы написал с первой почтой, куда ехать из Москвы. Князь меня проводит на железную дорогу, я сяду в вагон третьего разряда 4 руб. сер., как видишь, поездка моя недорого будет стоить. Сестры ужасно просят меня приехать и говорят, что их очень огорчит мой отказ, я, моя радость, распорядилась, как уже писала тебе, и решаюсь ехать, я думаю, мы выедем 15 или 16, но уже не позднее. Так когда ты будешь писать нам, то пиши в Петербург, пишу тебе адрес, чтобы ты не забыла: *В Шестилавочную, на углу Спасского переулка, в доме Сильванского*. Пиши, моя радость, как то ты доехала, здорова ли была все время? Мы же все, слава Богу, здоровы. Митя вспоминает тебя, он, слава Богу, совсем здоров и весел и как нельзя умен. Теперь опишу тебе, как провела время без тебя. Вчера ездили с Анночкой к Лизе в деревню, на именины Николая Александровича, был там весь beau monde, сама М-м Клингенберг⁴⁹ не была, но все власти были. День был славный и совсем удался. Было не скучно. Все спрашивали об тебе и велили тебя целовать. Там я видела Муратова⁵⁰, он очень вспоминает отца, говорит, <нрзб.>. Ролгин уезжает тоже на днях в Петербург и будет у нас. Представь себе, мамочка, какой мне был сюрприз. Одеваюсь я, чтобы ехать к Лизе, как приезжает Маша и говорит, что приехала моя кума, но выйти к ней я не смогла, потому что была уже совсем раздета, она посидела немного и, уезжая, отдала Маше сверток, чтобы передать мне. Вообрази себе, превосходная кисея на платье, белая, набитая турецким узором, прелесть, везу ее с собою в Петербург, сама же я разорилась — шью

⁴⁸ Николай Авраамович Хвошинский (род. 1820?), майор, владелец Волынского и Давыдова, которое с 1830-х гг. принадлежало его отцу Аврааму Петровичу; кузен Хвошинских.

⁴⁹ Клингенберг Елизавета Николаевна, урожд. Пушина (1829–1898), жена рязанского губернатора М.К. Клингенберга.

⁵⁰ Муратов Алексей Петрович, пронский помещик.

себе платье сама из желтого gingan⁵¹. У Анночки только была один раз, а то сижу дома, работаю. Еще новость, на другой день твоего отъезда, в воскресенье, сидим утром все в зале, Мих. Николаевич тоже с нами, видим мы, что из лакейской двери к дому идет шляпа, мы думали, Слепцов, и продолжаем себе говорить. Не тут-то было, входит <нрзб.> и представь, бессовестно лжет, что он у отца бывал <нрзб.> торжественный праздник, на это я ему сказала, что никогда его не видала, впрочем, с тех пор он и не был. Ознобишину⁵² и Федосееву не видала, прощусь с <нрзб.>. Е. Алек. Богданова была у нас, перебирается на другую квартиру. Вот тебе, мое сокровище, полный отчет того, что случилось без тебя, все мы здоровы и все, слава Богу, у нас благополучно. Мимиша велел тебе сказать что он тебя, люлюша, очень любит, и помнит, и не забудет, и крепко целует. Прощай, мое сокровище, целую тебя крепко, будь здорова, береги себя. Сестры ужасно рады, что ты поехала. Соня говорит, что она только о том и думала, чтобы тебе тоже Бог послал удовольствие. Целую крепко твои ручки, благослови меня, моя радость, и не забывай

Твою ПХ.

Сложно рационализировать эти наполненные биением жизни тексты, но надо отметить некоторые моменты. Совершенно очевидно, что Хвоцинские были крайне стеснены материально и не позволяли себе ни малейших излишеств. Все трудились как могли и вносили свою лепту в общее благосостояние. Царившее в семье согласие видно во всем: и в обращении дочерей к матери, и в заботе о ней, и в стремлении доставить радость друг другу. Вполне понятно, что Софья и Надежда, вырвавшиеся за пределы обыденного рязанского существования, переполнены впечатлениями петербургской жизни. И так же понятно, что жизнь Прасковьи ограничена бытовым, хотя и разнообразным общением и повседневными заботами. Вместе с тем эти письма убеждают, что в семье существовала вполне определенное разделение: две старшие, которых Прасковья называет *сестры*, и отдельно — она.

С 1860-х гг. Прасковья, которую, по словам Надежды, «Бог не обидел ни умом, ни способностями»⁵³, также занялась литературной деятельностью, однако, в отличие от сестер, выбрала феминный псевдоним — *С. Зимарова* [13]. 3 января 1864 г. Н. Хвоцинская

⁵¹ Gingan — пестротканное рубашечное полотно.

⁵² Ознобишина Софья Никифоровна, гвардии полковница, приятельница Ю.В. Хвоцинской.

⁵³ РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 852. Л. 265 об.

сообщала подруге: «Мы все три сидели над детищами» [16, с. 136]. Но жизненные притязания сестер были различны. Судя по всему, Прасковья вполне принимала свою жизнь и окружающих ее людей, не стремясь что-либо изменить или понимая невозможность изменений. Старшие же сестры, особенно Надежда, живя в Рязани, с годами все больше тосковали. 18 октября 1863 г. Надежда Дмитриевна писала О.А. Новиковой⁵⁴: «Сидим дома, как всегда. Все то же скрипенье перьев — с моей стороны архиленивое. Соня, для перемены дела, учится по-английски. Я, для разнообразия, читаю Библию... не написать ли мне из нее романа à la Salamambo⁵⁵ или поэмы à la mon cousin Всеволод Крестовский?⁵⁶ Истинно тебе говорю: если бы не находила какая-то непонятная молодая веселость, располагающая болтать пустяки <...> и смеяться пустякам, — не знаю, что бы и делать на свете»⁵⁷. О том же несколько месяцев спустя, 13 августа 1864 г.: «Мы — страшно одни. Просто жутко и страшно без преувеличения. В голоде (Соня прочла <...> я не читала — боялась бяки) человек съедает свою собственную внутренность; мы съедаем сами себя, и я боюсь скоро (умственно) околеть. Читать — наша литература опошлится до унижения. Вдали — в широких кругах мира — тьма безвыходная. Остаются свои четыре стены, голубой диван и скверная сигара. Если бы хоть писать, сидя на этом диване! Но и это не делается»⁵⁸. Таких эпистолярных фрагментов немало, но эти жалобы на однообразие жизни и отсутствие творческих стимулов не отменяют главного: в письмах постоянно присутствует очень значимое «мы» — их всегда было двое, и свою оторванность от мира — «мы — страшно одни» — сестры переживали вдвоем.

В 1876 г., в монологе главной героини рассказа «Из записной книжки», Н. Хвошинская передала свои представления о том, что по-настоящему связывает людей, и, по сути, написала о том, что связывало их с Софьей. «Я не чуждалась посторонних, но мне нужны близкие, самые близкие. <...> я теряюсь одна. Как ни от кого не слышать простого, ласкового слова, совета в чем-нибудь житейском, общем, простого толка о безделицах! Безделицы связывают... Ты знаешь сам, как необходимо высказывать свое чувство, узнавать чувство другого, размениваться, проверять себя, говорить свою

⁵⁴ Ольга Алексеевна Новикова, урожд. Киреева (1840–1925), близкая подруга Н. Хвошинской. См. о ней: [1].

⁵⁵ В романе Г. Флобера «Саламбо» (1862) действие происходит в Карфагене.

⁵⁶ Хвошинская, которая с 1850 г. получила известность под псевдонимом В. Крестовский, иронически именвала «кузеном» реального Вс. Крестовского.

⁵⁷ РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 850. Л. 209.

⁵⁸ РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 851. Л. 35.

мысль... но чтоб на нее отзывались! И не просто вскользь, из учтивости — из учтивости интересуются и чужие! — но чтобы моя мысль стала *своей* тому человеку, чтоб он ею подорожил, чтоб он сам о ней наедине подумал...»⁵⁹

5 августа 1865 г. Софья Дмитриевна умерла. Эта утрата оказалась трагическим переломом в жизни Надежды Дмитриевны, со смертью сестры она потеряла желание жить: «...я занемогла и провела целый месяц, лежа на своем диване в состоянии, которое, не знаю, с какой стороны было хуже — физически или нравственно. Физически — шла кровь горлом, а нравственно — я обезумела от слез, от отчаяния. Кроме горя, приходило и пришло окончательно горе за себя: я стала совсем неспособна работать. Я ничего не понимала. Мне точно оставалось *только умереть*, как сказала мне, умирая, Соня. <...> Я даже делала, что могла, чтоб приблизить этот желанный конец. 16 сентября я довела себя до воспаления — смерть меня не взяла» [16, с. 159].

Все это время рядом с ней находился молодой уездный врач Иван Иванович Зайончковский, который проникся глубокой симпатией к своей необычной пациентке. Прочитирую ее письмо: «Я просидела полдня за своей тетрадью и еще раз убедилась, что моя жизнь ни на что не нужна. Я сказала Зайончковскому, чтоб он отступился, что жить я не хочу и не буду. Он в ответ сказал, что полюбил меня, и просил попробовать жить для него» [16, с. 159]. Скоропалительное, спустя менее двух месяцев после смерти сестры, замужество Хвощинской было жестом отчаяния. «Я могла быть живой для Сони, *развлекаться* вместе с нею, искать людей ради нее. Без нее я жить не могу, веселья нет, людей не знаю. А жить должно — так дайте мне все новое. А в этом новом — преданная любовь, что-то вроде счастья, которое выросло над ее могилой. Не она ли его послала?» [16, с. 160]. Венчалась она «в том же черном платье и белой косынке» [16, с. 159], в которых хоронила сестру.

В ГАРО хранятся метрические книги Спасоярской церкви г. Рязани, где есть две важные для нас записи за 1865 г.: одна — о смерти Софьи Дмитриевны, другая — о последовавшем в скором времени бракосочетании ее сестры. В них указано, что С. Хвощинская умерла 36 лет⁶⁰ (родилась в 1829 ?), а Н. Хвощинская сочеталась браком в 34 года (родилась в 1831 ?). Как видим, обе записи сильно грешат против истины. Неточно указан и возраст жениха — И.И. Зайончковского: 29 лет⁶¹. Более двух лет спустя, в 1868 г., Хвощинская пишет

⁵⁹ Крестовский В. Из записной книжки. С. 127.

⁶⁰ ГАРО. Ф. 627. Оп. 249. Д. 291. Св. 200. Л. 196 об.

⁶¹ ГАРО. Ф. 627. Оп. 249. Д. 291. Св. 200. Л. 185 об.

приятельнице, что ее мужу «тридцатый год»⁶², значит, в 1865 г. ему было лет 27. Нечаянный этот брак сама писательница называла «оригинальным»: «Он молод и хорош собою, я стара и страшна...» [16, с. 160]. Чувство одиночества и иллюзорная надежда на возможность изменить жизнь стали главной причиной замужества. В своем горячем отчаянии Надежда даже забывала о матери. Впоследствии она писала: «Бедная мама. Ведь ей больно было, когда я вышла за Ваню, потому что “осталась одна”»⁶³.

Сразу после замужества Хвоцинская покинула Рязань, покинула тот дом, где все дышало прежней жизнью. Почти год супруги прожили в Петербурге, но это не спасло ее от духовного одиночества и глубокой депрессии. Она пыталась заниматься переводами, но дело не клеилось, результаты не нравились ей: перевод Монти — «никуда не годный», перевод Фоскарини «тоже надоел»⁶⁴. О своем состоянии она напишет: «...голова моя пуста и будильника ей не осталось»⁶⁵. Лаконичные записки этого времени имеют по преимуществу бытовой характер: болезни свои и мужа, визиты знакомых, визиты к знакомым, посещение лекций и музыкальных вечеров, чаще всего порознь. Старые знакомые замечали, что присутствие мужа сковывало Надежду Дмитриевну [3, № 12, с. 66], да и сама она писала об этом Новиковой: «Я была рада и не рада тебе вчера. Лучше нам бывает вдвоем»⁶⁶. Брак не принес Хвоцинской счастья, но она этого и не ждала. По характеру Зайончковский был склонен к увлечениям — Хвоцинская, державшаяся, по ее словам, «очень широкой свободы»⁶⁷, понимала и принимала это. По состоянию здоровья он нуждался в заботе и попечении — она заботилась о нем даже в ущерб себе. М. Цебрикова, видимо, со слов самой писательницы, рассказывает о том, что после возвращения в Рязань Зайончковский «мучился ревматизмом» и «Надежда Дмитриевна ходила за ним с изумительным терпением; больной был раздражительный. Засыпая невольно по ночам от утомления, она устроила снаряд — муж привязывал к руке ее веревочку, чтобы разбудить ее, когда нужна была помощь. Это повредило ей руку, и Надежда Дмитриевна долго не могла писать»⁶⁸. Подобный тип отношений Хвоцинская понимала

⁶² РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 851. Л. 245.

⁶³ РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 852. Л. 108.

⁶⁴ РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 851. Л. 144, 186.

⁶⁵ РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 851. Л. 207.

⁶⁶ РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 851. Л. 138.

⁶⁷ РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 851. Л. 269.

⁶⁸ Цебрикова М. Очерк жизни Н.Д. Хвоцинской-Зайончковской (В. Крестовского-псевдонима) // Мир Божий. 1897. № 12. С. 13.

как добровольную, «сознательную обязанность», потому что не могла представить, «...как это — думать только о себе, беспокоиться только за себя»⁶⁹. Так говорит Вера, автопсихологическая героиня рассказа «Из записной книжки», «дурнушка», «женщина с седой головой», живущая рядом с 20-летним красавцем. Именно эта героиня произносит слова, которые определяли бытовое поведение самой писательницы: «Я не умею быть одна!».

В конце мая 1866 г. Хвоцинская отправила мужа «в Самару, на кумыс», но сама не смогла возвратиться в опустевший рязанский дом. Полноценно работать она тоже не могла, в 1866 г. ее деятельность ограничивалась переводами иностранных известий в газете А.А. Краевского «Голос»⁷⁰. В Рязань она вернулась в конце августа 1866 г., туда же приехал из Самары и Зайончковский, занявший должность сверхштатного врача в городской больнице. А весной 1868 г. она проводила мужа за границу на лечение и учебу. В течение 10 месяцев он написал Надежде Дмитриевне 81 письмо (по самым примерным подсчетам, это 2 письма в неделю), что ничуть не удивляло ее: «Я всегда знала, что дороже меня у него никого не было и не будет. Для меня — он не может доставить ничего; я ничего и не прошу»⁷¹. «В прозе и в стихах»⁷² он просил ее приехать, она не хотела покидать свой «угол»⁷³, но морально и материально поддерживала мужа вплоть до его кончины в 1872 г. Вскоре после его смерти Хвоцинская писала Новиковой: «...не было его четыре года, но мы лучше узнавали и лучше полюбили друг друга издали; и теперь я вижу и *сознаю*, чего прежде не сознвала, что он *точно* оживил и поддержал меня. <...> Ваня стал на то место, где она стояла, — не заменяя, но сменив на минуту, так, будто исполнил какую-то обязанность»⁷⁴.

1869 год стал возвращением Хвоцинской в литературу. Повесть «Первая борьба» и она сама, и критики рассматривали как новое начало: «...среди молодежи мелькнула мне “Первая борьба”. Вот мои воскресители, этот честный народ, *младшие* братья 60-х годов» [8, № 12, с. 132]. В 1869 г. Хвоцинская возобновила работу над романом «Большая Медведица», который был задуман в 1865 г., еще при жизни Софьи. Работа шла тяжело: «Пишется она от нужды, любоваться некому — я сама не понимаю, что делаю»⁷⁵. Особенно подкосила пи-

⁶⁹ Крестовский В. Из записной книжки. С. 130, 126.

⁷⁰ РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 852. Л. 207.

⁷¹ РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 852. Л. 5 об.

⁷² РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 852. Л. 290 об.

⁷³ РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 852. Л. 67.

⁷⁴ РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 852. Л. 106 об.

⁷⁵ РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 852. Л. 55 об.

сательницу появившаяся в сентябре 1870 г., после публикации первых глав, разгромная статья Н.В. Шелгунова, не давшего себе труд дожидаться завершения романа⁷⁶. Впоследствии критик признавался, что нападки на Хвоцинскую были продиктованы сугубо «партийными» интересами⁷⁷, но писательнице этот незаслуженный выпад, который она восприняла как «граждански оскорбительный»⁷⁸, доставил немало страданий. Своего рода компенсацией стала читательская рецепция романа⁷⁹. В 1907 г. П.А. Кропоткин писал: «Во время своего появления повесть пользовалась большим успехом среди нашей молодежи и имела на нее очень глубокое влияние, в лучшем значении этого слова. <...> Появление этой повести как раз в период, когда в России начиналось великое движение молодежи “в народ”, дало ей громадную популярность...»⁸⁰. Свой роман Хвоцинская посвятила памяти покойной сестры. Прямое посвящение отсутствует, но, договариваясь с М.М. Стасюлевичем об отдельном издании романа в 1873 г., она высказала свое пожелание: «Мне бы хотелось, чтобы вслед за заглавным листом, на *отдельном* белом листе, в середине стояло крупными буквами: «Der Abgeschiedene lebt uns»⁸¹. — Это не эпиграф, а посвящение, потому я и прошу, чтоб оно было отдельно, а не под заглавием, и не подписываю, у кого беру эти слова»⁸². Просьба писательницы была выполнена: в отдельном издании 1872 г. тексту романа предшествует страница с посвящением.

Творческая работа Хвоцинской в конце 1860-х – 1870-х гг. осложнялась житейскими несчастьями. Собственные болезни и болезни родных, теряющая зрение мать, смерть тетки, смерть мужа, смерть брата, настолько потрясая мать, что она временно ослепла, поездка с матерью в Москву на операцию и в дальнейшем ее полная слепота. В письмах нередко упоминания о пожарах, которые роковым образом влияли на здоровье близких людей. В начале апреля

⁷⁶ Шелгунов Н. Женское бездушие (По поводу сочинений К. Крестовского-псевдонима) // Дело. 1870. № 9. С. 1–34. В сделанной В.И. Семевским записи рассказа одной из знакомых Хвоцинской — Е.Э. Лебедевой — содержится информация о том, что сам Шелгунов роман не читал, а судил о нем по пересказу Людмилы Петровны (ГАРФ. Ф. 801. Оп. 1. Ед. хр. 115. Л. 268 об.).

⁷⁷ Шелгунов Н. К статье «Н.Д. Хвоцинская-Зайончковская» // Русская мысль. 1891. № 2. С. 182–185.

⁷⁸ М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке: в 5 т. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1913. Т. V. С. 110.

⁷⁹ О читательской востребованности романа свидетельствует библиотечная статистика: в 1871 г. он входил в число самых читаемых произведений, см.: [5, с. 195–196].

⁸⁰ Кропоткин П. Идеалы и действительность в русской литературе // Кропоткин П.А. Лекции по истории русской литературы. М.: Common place, 2016. С. 201.

⁸¹ «Далекие и умершие тоже живут с нами» (нем.) — цитата из трагедии Гете «Эгмонт».

⁸² М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. V. С. 117.

1871 г. пожары продолжались 2 дня. 6 мая Хвоцинская напишет Стасюлевичу: «От испуга этих пожаров и затем простуды занемогла моя сестра. <...> Вы знаете, у меня была еще сестра; ее последняя болезнь началась тоже с испуга от пожара»⁸³. Надежда Дмитриевна была серьезно озабочена состоянием Прасковьи: «Она кашляет два года, зимой лежала в воспалении, а это подбавляет. Хотя меня обнадеживают, что легкие у нее исправны, но я сама знаю, что для легких нужен иногда один час — и конец им»⁸⁴.

Хвоцинская любила и жалела младшую сестру, которую окружающие нередко воспринимали в ее тени. 8 сентября 1865 г., вскоре после смерти Софьи, она напишет Новиковой: «Паша тебя целует. Напиши ей, ты ее утетишь. Она боится, голубка бедная, что ее не любят мои друзья, и все плачет. Ты ей не выдай этого, а скажи милое слово. А то в самом деле, все точно сговорились думать, жалеть и заботиться только обо мне. Вы бы заглянули, каково ей, да спросили бы меня, мила ли мне она»⁸⁵.

Сестра была ей мила, они жили рядом, помогали друг другу в периоды болезней, но в обычных обстоятельствах жизни, когда хотелось просто потолковать о «безделицах» или «высказать свое чувство, узнать чувство другого», точек соприкосновения между ними не находилось. 16 мая 1868 г. Хвоцинская напишет Новиковой: «Паша нездорова, но хотя бы была и здорова, она занялась бы своим, а то, что занимает меня, — не по ней, то есть не по ее вкусу <...>. И вот почти два года так. <...> Скажу тебе, Оля, не жалуясь, а с большим горем: она не постаралась сделать того, что могла, — именно сблизиться со мной в чтении, в занятии. Конечно, нельзя требовать, чтобы явилось расположение, когда его прежде не было. Но ведь мне-то от этого не легче. Я весь день одна. Ни прочесть вместе, ни подумать, ни даже посмеяться на пустой шутке. А какая она славная, добрая, самоотверженная! Мне такой не быть. Как скучно»⁸⁶. В отношениях с младшей сестрой не было гармонии, не сложилось столь необходимое писательнице «мы», которое давало ей силы, — они жили каждая сама по себе.

Близкую душу, как казалось Надежде Дмитриевне, она нашла в своей крестнице, 11-летней Соне, дочери кухарки. Как писала Каррик, девочка была «хорошенькая и развитая не по летам» и писательница к ней «крепко привязалась» [3, № 12, с. 76]. По словам

⁸³ Там же. С. 112.

⁸⁴ РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 852. Л. 98.

⁸⁵ [16, с. 158] (здесь письмо ошибочно датировано 18 сентября).

⁸⁶ РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 851. Л. 265 об.

Прасковьи Дмитриевны, «на нее, как на новую почву, Н.Д. сеяла семена, развивала ее, рассказывала ей и вполне была убеждена, что понята» [15, с. XIV]. Склонная к крайностям, Хвощинская даже приписывала девочке влияние на свое творчество. Видимо, в определенном смысле так оно и было, потому что эта привязанность придавала ей жизненные силы и стимулировала деятельность. Во второй половине 1870-х гг. Хвощинская написала несколько рассказов, составивших сборник «Альбом», которые современники называли в числе лучших ее произведений. Уже после смерти воспитанницы в 1879 г. она писала: «...у меня явилось утешение: детская, чистая любовь моей *девочки*, которая в свои 11 лет понимала меня. <...> Этому не поверят, но это было. Она меня поддерживала и наставляла на все, что я делал сносного, удерживала меня от дурного чувства и дурного дела; она все красила. <...> Верь мне: *она* больше сделала для моей нравственной жизни, чем делала сестра Соня. У сестры было образование, авторитет, возраст, мы росли и мужали вместе. *Этой* я досталась расколотая; ребенок едва умел читать и, натурально, не знал жизни. Что же было в ней? Назвать не умею. А вот знаю, что без нее мне буквально *ничего* не надо и *все* потеряло свой свет» [8, № 12, с. 133].

Смерть воспитанницы, общение с которой скрашивало жизнь и вдохновляло писательницу, снова оставило ее в духовном одиночестве. Она и раньше жаловалась на утрату творческой энергии, но теперь это становилось все очевиднее. После 1879 г. Хвощинская опубликовала лишь несколько оригинальных произведений: повести и рассказы «На вечере», «Семья и школа» (1880, в собраниях сочинениях — «Учительница»), «После потопа» (1881), «Здоровые», «Прощание» (1883), «Жить как люди живут» (1887), «Вьюга» (1889) и роман «Обязанности» (1885). О творчестве Хвощинской этого периода своеобразно высказался М.Е. Салтыков, рекомендуя ее Стасюлевичу после закрытия «Отечественных записок»: «...очень хорошая писательница, хотя с давних пор пишет все одну и ту же повесть»⁸⁷. Нельзя вполне определенно сказать, что он имел в виду, но можно предположить, что речь идет о лейтмотивной в поздних произведениях Хвощинской мысли об «отступничестве» людей 1860-х гг., их отказе от прежних идеалов и приспособлении к нравственному уровню толпы.

Основным родом литературных занятий Хвощинской в 1880-е гг. стали переводы с итальянского (стихотворные трагедии В. Монти

⁸⁷ Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 20 т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 20. С. 119.

и Д.Б. Никколини, романы и повести Дж. Верга, С. Фарина, Э. де Амичиса, А.Дж. Баррили и др.) и французского (Ж. Санд, Бальзак)⁸⁸. Переводы печатались в «Отечественных записках», «Деле», «Вестнике Европы», «Русской мысли», «Живописном обозрении», «Русских ведомостях» и выходили отдельными изданиями.

С 1881 г. Надежда Дмитриевна большую часть года жила в Петербурге и лишь на лето приезжала домой, и то — только до смерти матери: после 1884 г. в Рязань она больше не возвращалась. В Петербурге Хвоцинская поселилась вместе со своей знакомой — Верой Александровной Москалевой⁸⁹, о которой мы располагаем скудными и противоречивыми сведениями. По словам крайне пристрастной к ней П. Хвоцинской, Москалева была дочерью генерала, известного в Рязани лица, жила в Петербурге, но, оставив мужа, вернулась к отцу. Она считала себя «высокопоставленной особой» и с Хвоцинскими поддерживала лишь поверхностное общение. Когда отец Москалевой умер и ее общественное положение изменилось, Надежда Дмитриевна, «по свойственной ей доброте и жалостливости, предложила ей свою дружбу <...> г-жа М. приняла ее и воспользовалась ею неограниченно» [15, с. XV]. О том же писала и давняя подруга сестер М. Андреева, которая считала, что Хвоцинская «в силу своей способности увлекаться и легко привязываться <...> всецело отдавалась этой привязанности. <...> Эти пять лет, проведенные Надеждою Дмитриевной в Петербурге, на глазах всех знавших ее прежде, можно назвать самыми печальными годами ее жизни. Старые друзья с грустью и слезами говорят об них»⁹⁰. Как и П. Хвоцинская, Андреева подозревала в поведении Москалевой своекорыстные мотивы. Иначе писала М. Цебрикова, знавшая Хвоцинскую лишь в последние годы: «Муж госпожи Москалевой перешел на службу в Петербург, и жена уехала с ним. В 1880 г.⁹¹ Надежда Дмитриевна переехала в Петербург и поселилась вместе с овдовевшей подругой, которая относилась к ней с теплой дочерней преданностью...»⁹².

К отъезду из Рязани Хвоцинскую, судя по всему, подтолкнули домашние обстоятельства. В фонде Семевского сохранились выписки из ее дневника за август-декабрь 1881 г., которые свидетель-

⁸⁸ Перевела также (вероятно, с французского) несколько рассказов из сборника норвежского писателя Л. Диллинга «Обыкновенные люди».

⁸⁹ Девичью фамилию Москалевой пока не удалось установить.

⁹⁰ ГАРФ. Ф. 801. Оп. 1. Ед. хр. 115. Л. 257–257 об.

⁹¹ Точнее, осенью 1881 г.

⁹² *Цебрикова М.* Очерк жизни Н.Д. Хвоцинской-Зайончковской (В. Крестовского-псевдонима). С. 17.

ствуют об угнетенном моральном состоянии и сложных отношениях с сестрой. Приведем некоторые из них.

3 сентября: «За обедом — письмо Паши. Оно меня измучило до того, что я измучила Верочку. Когда уляжется эта мука? Писала ей в первый раз. Вечером Верочка читала мне по-немецки. Я поняла бы больше, если бы не так мучилась..... Никогда мне не успокоиться».

5 сентября: «В 11 ч. ночью приехала Ольга... Очень тяжело. Я виновата, может быть, но что же делать... Ночью много плакала».

6 сентября: «Полезно читать что-нибудь, а то я с ума схожу с этой своей мыслью и тоской. Неделя как я оттуда. Кто меня вспомнил? Одна мама... <...> Уберутся тут, буду работать. Только голова шальная. Родной дом, из которого меня выгнали, зовет меня своими мертвецами. Уж дали бы схоронить маму. Как мне по ней тяжело. Письмо от Паши — две строки. И все такие же будут. Мне нездоровится».

7 сентября: «.....писать не могу».

10 сентября: «Рожденье моей Сони. Ее мать, конечно, не помнит. Вспомнить некому. Утром — письмо Паши. Слава Богу, что я с Верочкой. Читали вместе. Очень тяжело и ничего не нужно».

12 сентября: «На душе тяжело. Очень больно и тяжело. Никогда это не пройдет... Хотя бы работать. Голова пуста. Что делает мама — ни от кого не узнаю. Зачем я ее бросила. Умереть бы мне»⁹³.

Реплику о том, что ее выгнали из родного дома, несколько проясняет рассказ А.Г. Каррик, записанный Семевским. Почти сразу после смерти Н. Хвощинской он начал работу над биографическим очерком: собирал сведения о жизни писательницы, встречался с ее знакомыми, переписывался с П. Хвощинской. К сожалению, его торопливые, сделанные для себя карандашные записи не позволяют вполне адекватно прочесть их, но все же позволяют понять возможные причины отъезда Надежды Дмитриевны из Рязани.

Для этого вернемся к тому, что у сестер Хвощинских был брат Кесарь Дмитриевич, получивший воспитание в Полоцком кадетском корпусе, по выходе из которого в 1842 г. служил в разных воинских подразделениях. Выйдя в отставку, получил место помощника управляющего Сызранской удельной конторой, впоследствии служил в Туле; дважды был женат, дважды овдовел и имел двух сыновей⁹⁴.

⁹³ ГАРФ. Ф. 801. Оп. 1. Ед. хр. 115. Л. 234–234 об.

⁹⁴ Дмитрий (1854 – ок. 1920), коллежский ассessor, и Петр (род. 1859), коллежский

О старшем — Мимишке — с большой любовью писали тетки в приведенном нами ранее майском письме 1858 г. О нем горевали, когда в 1864 г. по желанию его отца и против их воли «птенца» поместили в пансион: «Мы все в горе, и этому горю не видать конца. Мальчик заперт — зачем? Взят от нас — для какого дела? Лишен книги, разговора, развития, ласки, попечений, совета — за что? Это — о нем. А о нас: было молодое создание, к которому наши стародевичьи привязались больше, чем душа его родителей; создание толковое, понятливое, честное, только что начинавшее входить во вкус *наших* понятий и делаться человеком; еще год, другой, и он был бы нам товарищ»⁹⁵. Позже, судя по всему, Дмитрий жил то в Рязани, то у отца в Туле.

В письмах Хвоцинской Кесарь Дмитриевич упоминается не часто, и по общему тону можно понять, что особой близости между ними не было. После смерти брата Прасковья Дмитриевна, очень привязанная к его сыновьям, «взяла их к себе». Но Надежда Дмитриевна не ладила с племянниками, из которых, по словам А. Каррик, «вышли негодяи». Они «из духа противоречия» говорили Н.Д., что «вся ее библиотека — хлам», однако Прасковья Дмитриевна «всегда их защищала». «Н.Д. писала, что она чувствовала себя одинокою». Дело дошло до того, что один из племянников замахнулся на тетку — и Надежда Дмитриевна «выгнала его вон»⁹⁶. Вероятно, это и стало той каплей, которая переполнила чашу терпения. В опубликованных в 1899 г. воспоминаниях Каррик не касалась этой темы, но лишь сдержанно написала, что после смерти Юлии Викентьевны «сестра и племянники продолжали жить в своем доме», а Надежда Дмитриевна «доставляла им необходимые средства» [3, № 12, с. 77].

Опубликованный в 1891 г. очерк Семевского задел чувства П.Д. Хвоцинской, побудив ее написать собственный мемуарный рассказ о сестре и о жизни своей семьи. Прасковье Дмитриевне были неприятны умолчания Семевского о ней как о ближайшей родственнице и его нейтральный тон по отношению к Москалевой, которая «овладела» ее сестрой, плохо заботилась о ней и препятствовала их встрече: «Родной сестре не было места у постели умирающей! Я была помехой во всякое время» [15, с. XVIII]. О своем впечатлении

регистратор. У Петра была дочь Александра (ок. 1888 – 21.12.1978), в замуж. Скотникова — последняя представительница этой ветви рода Хвоцинских.

⁹⁵ РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Ед. хр. 851. Л. 39.

⁹⁶ ГАРФ. Ф. 801. Оп. 1. Ед. хр. 115. Л. 242 об.–243. Из рассказа непонятно, на какую из двух теток он замахнулся, но, судя по тому, что выгнала его Надежда Дмитриевна, на нее.

она написала Семевскому 21 апреля 1890 г. в ответ на полученный от него еще до публикации текст очерка:

Мне было очень больно и грустно не встретить на страницах Вашего очерка имен *настоящих, искренно любивших и уважавших друзей моей сестры*. <...> Все они страдали и оплакивали печальную жизнь моей сестры за эти несчастные пять лет, прожитых безвыездно в Петербурге в сообществе госпожи Москалевой, дружба с которой удивляла всех, тем более людей, знавших мою сестру не один десяток лет⁹⁷.

Свое огорчение она выражала и в письмах к знакомым. По этому поводу Семевский ответил 5 мая 1890 г. приятельнице сестер Хвошинских Е.Л. Блюменфельд:

В последнее десятилетие своей жизни Надежда Дмитриевна настолько несимпатично относилась к своей сестре (на что я имею *документальные* доказательства), что мне пришлось бы или нехорошо говорить о Прасковье Дмитриевне, или не говорить совсем. В ее интересах я предпочел последнее. Я положил себе за правило не руководствоваться никакими личными и, быть может, пристрастными отзывами посторонних людей, но игнорировать собственные заявления Надежды Дмитриевны я не могу. <...> Ввиду того, что для освещения отношений двух сестер не настало еще время, я предпочитаю возможно менее говорить об отношении Надежды Дмитриевны к семье после смерти Софьи Дмитриевны...⁹⁸

По прошествии многих десятилетий так же невозможно судить о мыслях, чувствах и поступках давно умерших людей, как и при их жизни, но лаконичные дневниковые записи Надежды Дмитриевны дают основание полагать, что в общении не с сестрой, а с Москалевой она в какой-то мере обрела то, что было ей необходимо: «...простое, ласковое слово, совет в чем-нибудь житейском, общем, простой толк о безделицах!» Образовалась некая общая жизнь — совместное чтение, разговоры, посещение театров, внимание друг к другу в мелочах. Но жизнь по чужим углам была тяжела, да и в отношениях с Москалевой по многим причинам не могла возникнуть та душевная

⁹⁷ ГАРФ. Ф. 801. Оп. 1. Ед. хр. 166. Л. 5 об.–6.

⁹⁸ ГАРФ. Ф. 801. Оп. 1. Ед. хр. 143. Л. 1–2. Блюменфельд Екатерина Соломоновна, урожд. Старынкевич (1836–1914), знакомая Н.Д. Хвошинской, писательница (псевдоним *Ел. Сальянова*).

и интеллектуальная гармония, память о которой хранила Надежда Дмитриевна. Последняя запись в ее дневнике от 25 марта 1885 г. (в день Великой субботы) очень горька:

Все то же или хуже... Я не нужна никому и ничего нет у меня — ни родных, ни друзей, ни знакомых, ни таланта, ни значения. Природы для меня нет, места нет. Там, в доме, где была мама, меня не надо, нужна только моя работа, которой делать я не в силах. Здесь я не могу привыкнуть; все будто надо куда-то. Когда то наконец Бог надо мною сжалится. <...> Все только *надо*. Мне ничего не надо⁹⁹.

Разумеется, были у Хвоцинской знакомые, были и друзья, было и признание. Но не было душевного комфорта и житейской стабильности. Сложные отношения с родными, прежде всего с сестрой, и постоянная забота о заработке изнуряли и лишали творческих сил.

Вся жизнь Хвоцинской была подчинена писательству, которое приносило ей как огромную радость, так и немалые огорчения. Времена творческих взлетов чередовались с периодами бессилия, утраты веры в себя, что особенно тяжело для автора-женщины, живущей «в мире мужской культуры». А. Розенхольм справедливо писала об «особом страхе, который направлен на творчество и который гнетет и мучает именно женщину-художницу» [6, с. 95–96]. Но, несмотря на этот закономерный страх, литературная работа была для Хвоцинской абсолютно органичным способом существования. И собственности она никакой не оставила, кроме сочинений, которые завещала в вечное владение Литературному фонду, но поручала доверенному лицу предварительно распорядиться ими так, «как он сам найдет лучше и выгоднее для сестры» Прасковьи Дмитриевны. В полное распоряжение В.А. Москалевой она передавала свои переводы с французского и итальянского.

Осмысляя творческий путь Надежды Дмитриевны Хвоцинской, А.Г. Каррик писала: «При других условиях жизни, здоровья, обстановки, при большем разнообразии впечатлений, талант Н.Д. не слабел бы, а креп, развивался до конца. Такие натуры, как она, при благоприятных условиях не старятся психически» [3, № 12, с. 78–79]. Все названные факторы, безусловно, важны, так как влияют на психоэмоциональный настрой, необходимый для творчества. История частной

⁹⁹ ГАРФ. Ф. 801. Оп. 1. Ед. хр. 115. Л. 236 об.–237.

жизни писательницы и ее литературной деятельности дает основание говорить об особой важности для нее двух условий — близкого, *своего* человека и, как это становится понятно из общей ситуации, *своего* угла. Хвошинской-писательнице был необходим человек, с которым бы ее объединяли не только душевная гармония и интеллектуальное родство, но и повседневное житейское общение. Буквально связывать периоды творческой активности писательницы с присутствием в ее жизни такого человека было бы, разумеется, неправильно, так как необходимо учитывать и многие другие обстоятельства: возраст, физическое состояние, окружение, общие условия существования. Но вместе с тем очевидно, что наиболее плодотворными и успешными в творческой биографии Хвошинской оказались два периода — 1850-е – первая половина 1860-х и 1870-е гг., когда она жила в своем рязанском доме и в ее жизни был человек (в первом случае сестра Софья Дмитриевна, во втором — воспитанница Соня), которого она могла считать по-настоящему близким.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1.

*Стихотворения из «Черной книги»,
посвященные сестрам*

Другу

(сестре Любиньке)

И для меня средь бури света
Нашлася нежная душа;
Она слилась с душой поэта,
Она, как ангел, хороша!
Она понять меня умела,
Разделит горечь и печаль
И улететь со мной хотела
В небес таинственную даль.
Ее любовью упоенна,
Я путь мой в мире перейду,
Ее улыбкой оживленна,
Минуту счастья здесь найду.
И в мире этом одиноко
Не буду жизнь свою влачить.

И о стране чудес далекой
Я с другом буду говорить!..

.....
Апрель, 1836

РГАЛИ. Ф. 541. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 4 об. Под посвящением более поздняя приписка: «Помещены в Звездочке, 1836».

Две звездочки
(сестре Соничке)

Я с нею у окна стояла...
— Сестра моя!
Не плачь, — она тогда сказала, —
С тобою я!

Не плачь! ты прежде говорила,
Нам вместе жить,
Все вместе, и одна могила
Нас разлучит, —

Но мы расстались... Видно, Богу
Угодно так,
Он видит всю сердец тревогу,
Он в небесах!

С небес Он видел, как в постели
Рыдала ты,
И как внезапно улетели
Мои мечты;

Он видел, как меня отняли
Из рук твоих...
Но жар любви среди печали
В нас не затих.

Бог это видел, за страданье
Нас полюбил, —
Поверь, сестра, что испытанье
Не выше сил!..

— Мой ангел! Нам не много счастья
Назначил Бог!..
Он Сам терпел, но Он в несчастье
Не изнемог!

Взгляни на небо, если горя
Душа полна;
Господь велит — и в бурном море
Молчит волна.

И если взором в небе встретишь
Ты две звезды,
То вспомни, только их заметишь:
То я и ты.

Одна побольше — ты годами
Старей меня,
Твоей любовью, как лучами,
Согрета я.

Так это ты, — а та, другая,
Что меньше той,
То я; и в счастье и страдая
Я все с тобой!

Да, все с тобой! и если люди
Нас разлучат,
То мыслей от тебя, поверь мне,
Моих не отделят.

И если сном последним ты,
Сестра, заснешь,
То там, в пределах вечности,
Меня найдешь!

И мы к престолу Вышнего,
Как будто дым,
В объятиях одна другой
С восторгом полетим!

И там, в безмерной радости,
Где горькой нет мечты,
Любовию зажжем своей
Две новые звезды!..

Март, 1838

РГАЛИ. Ф. 541. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 3–3 об.

Звуки

(сестре Пашиньке)

Нет, не с небес на огненных крылах
Те звуки дивные слетели;
Печали нет в небесных высотах,
И ангелы так никогда не пели;
То звук земли, порывный, дикий звук,
То звук последнего прощанья,
То — над могилою, где спит последний друг,
Протяжное, бесслезное рыданье...
Его в мечтах я слышала давно,
Когда на сердце грустно было,
И, от тоски и слез устав, оно,
Горячее, трепещущее ныло;
Его в саду под склонами берез
Осенним вечером слышала,
Его ко мне холодный ветер нес,
Его душа печально повторяла...
О дивный звук, ты звук любви земной,
И безнадежной и глубокой!
Ты душу мчишь, влечешь своей струей,
Ты водопад, блестящий и широкий!
О милый звук, в пространство без границ
С тобой летят мечты, желанья...
Но прерван ты... Толпа нарядных лиц
И шум бессмысленный рукоплесканья...
Прости, прости! я скроюсь от людей,
Я убегу от них тоскуя,
Но светлую звезду в груди моей —
Воспоминанье — унесу я...

Март, 1842

РГАЛИ. Ф. 541. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 9 об.

2.

**[Копия распоряжения Н.Д. Хвошинской
на случай смерти]**

*Приложение к журналу Комитета Литературного фонда.
1889. 2 августа. № 19*

23 мая 1889 г. Я, нижеподписавшаяся Надежда Дмитриевна Зайончковская, рожденная Хвошинская, по литературе В. Крестовский-псевдоним, вдова уездного врача, поручаю Сергею Николаевичу Константинову в случае моей смерти распорядиться, как мы с ним говорили, моими беллетристическими произведениями, изданными А.С. Сувориным, романом «Недавнее», моею собственностью, находящейся в складе Суворина, сборником «Альбом», изданным вторым изданием В.А. Москалевой (второе издание имеет выйти на днях), книгой «Первая борьба», проданной 28 апреля для второго издания г-ну Сибирякову, романом «Баритон» и «Встреча», которых первое издание разошлось, и повестью «Жить как люди живут», напечатанной в «Вестнике Европы» 1888 года. Прошу Сергея Николаевича Константинова сделать это, как он сам найдет лучше и выгоднее для сестры моей Прасковьи Дмитриевны Хвошинской. Распорядиться, чтобы впоследствии весь <2 нрзб.> мои произведения были переданы на вечное владение Обществу для пособия литераторам и ученым. Из того, что оно выручит за мои издания, когда они поступят в его владение, уплатить за меня долгу: три тысячи руб. Варваре Алексеевне Морозовой за платье <нрзб.> восьмого ноября 1882 года¹⁰⁰, двести пятьдесят руб. Катерине Соломоновне Блюменфельд, занятые в разное время, и сто руб. Николаю Константиновичу Михайловскому, отданные мне им самим 20 декабря 1882 г. Сестра моя П.Д. Хвошинская имеет тоже некоторые литературные права. В случае необходимости прошу Общество для пособия литераторам и ученым в память мою не отказать ей в помощи. Все мои переводы с французского и итальянского предоставляю в полное распоряжение Веры Александровны Москалевой и ее собственности, так как она одна знает, где и какие они были. В числе их оставляются ей же переводы драм: «Нерон» Косса, «Кайи Гракх» Монте, «Антоний Фоскарини» Никколини и четвертая драма с немецкого Гальма «Ровенский боец», по всем правам принадлежащая В.А. Москалевой, потому что без ее содействия перевод не был бы сделан.

¹⁰⁰ В конце февраля 1884 г. М.Е. Салтыков передавал Н.К. Михайловскому слухи о том, что Хвошинская «в Москве у вдовы, купчихи Морозовой» сделала заем в 4 тысячи рублей (*Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 20 т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 19-2. С. 289*).

Все мои критические статьи, стихотворения, переписка, как частная, так и деловая, литературные замечания и отрывки *никогда* не должны быть напечатаны.

Прошу всех, которым я когда-либо писала, уничтожать, если у них сохранились еще какие-нибудь мои письма, и никогда не говорить обо мне ничего печатно, как это нынче принято, вошло в моду. Со стороны посторонних это будет праздная болтовня, посторонние моей жизни не знали. Со стороны знакомых нескромность, со стороны друзей оскорбление¹.

Приписываю сама остальное, потому что писать не в силах долго. Это продиктовано мной в совершенной памяти В.А. Москалевой. Сестре я напишу особенно, и подробностей, и более интимные. Прошу только одно у всех: не поминать меня лихом и не поминать никак. Вспомнила: из напечатанных мелких статей есть одна «Орлеанская дева» в «Деле» № 3 1881 года. Если сестра хочет, то может перепечатать ее, но только ее одну. Если я поправлюсь и буду опять человеком, разумеется, я еще постараюсь где-нибудь совершить, как говорили мне когда-то, для украшения и прочее. Надежда Зайончковская.

Кроме моих литературных работ, не имею никакой другой собственности, ни движимой, ни недвижимой. Из литературных вещей вспоминаю еще одно: неоконченный роман «Былое», одна первая часть, и то первые корректурные листы, склеенные мною. Он печатался в «Отечественных записках» 1878 г. и был остановлен: я не продолжала его за недосугом и не оставила никаких планов ни заметок. Если бы цензура дозволила, мне хотелось бы, чтоб в полное собрание сочинений и затем в собственность Литературного фонда он вошел. Его корректурные листы, собранные и склеенные в виде брошюры, у В.А. Москалевой. Другого экземпляра их нет ни у кого.

Надежда Зайончковская.

ГАРФ. Ф. 801. Оп. 1. Ед. хр. 115. Л. 251–252 (копия рукой В.И. Семевского). Подлинник в РО ИРЛИ: Ф. 155. Журналы Литературного фонда за 1889 г. Т. 2. Л. 129–130 (фонд не прошел научно-техническую обработку). Благодарю за информацию научного сотрудника Рукописного отдела Юлию Михайловну Чихалову.

¹ Далее собственноручный текст Хвоцинской. (*Помета В.И. Семевского*)

Литература

1. Дмитриев В.Д., Майорова О.Е. Новикова Ольга Алексеевна // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. Т. 4. С. 342–344.

2. *Золотницкая Л.* Даниэль Штейбельт: в тени Бетховена, между Наполеоном и Россией. СПб.: Композитор, 2011. 120 с.
3. *Каррик А.* Из воспоминаний о Н.Д. Хвошинской-Зайончковской (В. Крестовский-псевдоним) // Женское дело. 1899. № 9–12.
4. *Кусова И.Г., Филиппов Д.Ю.* Дом и люди. Род Рюминых. Рязань: Рязанский обл. худож. музей, 2012. 93 с.
5. *Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: НЛО, 2009. 448 с.
6. *Розенхольм А.* Рассказчица-писательница в противоречиях, или Взгляд Кассандры // Русские писательницы и литературный процесс в конце XVIII – первой трети XX вв.: сб. научных ст. Wilhelmshorst: Verlag F.K. Göpfer, 1995. С. 91–114.
7. *Севастьянова А.А., Филиппов Д.Ю.* Новые материалы об истории семьи Хвошинских в Рязани // История дореволюционной России: мысль, события, люди. Рязань: Ряз. гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина, 2003. Вып. 2. С. 113–122.
8. *Семевский В.* Н.Д. Хвошинская-Зайончковская (В. Крестовский-псевдоним) // Русская мысль. 1890. № 10–12.
9. *Серков А.И.* Русское масонство. 1721–2019. Биографический словарь. Век XIX. М.: Ганга, 2020. Т. I–IV.
10. *Строганова Е.Н.* К 200-летию Надежды Дмитриевны Хвошинской: О дате рождения писательницы // Культура и текст. 2021. № 2 (45). С. 113–120. DOI: 10.37386/2305-4077-2021-2-113-120
11. *Строганова Е.Н.* Неопубликованные стихотворения Н.Д. Хвошинской из альбома семьи Алябьевых // Шаги / Steps. 2024. Т. 10. № 3. С. 320–345. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2024-10-2-320-345>
12. *Строганова Е.Н.* Хвошинская Надежда Дмитриевна // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. СПб.: Нестор-История, 2019. Т. 6. С. 510–514.
13. *Строганова Е.Н.* Хвошинская Прасковья Дмитриевна // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. СПб.: Нестор-История, 2019. Т. 6. С. 514.
14. *Строганова Е.Н.* Хвошинская Софья Дмитриевна // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. СПб.: Нестор-История, 2019. Т. 6. С. 514–515.
15. [Хвошинская П.Д.] [Биография] // Собрание сочинений В. Крестовского (псевдоним): в 5 т. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1892. Т. I. С. I–XVIII.
16. «Я живу от почты до почты...» Из переписки Надежды Дмитриевны Хвошинской / сост. А. Розенхольм, Х. Хогенбом. Fichtenwalde: Verlag F.K. Göpfer, 2001. 271 с.

“I need people close to me, the closest”: To the biography of N.D. Khvoshchinskaya

© 2025. Evgeniya N. Stroganova

D.I. Mendelev and A.A. Blok State Memorial Museum-Reserve
Moscow Region

Abstract: The article considers the biography of N.D. Khvoshchinskaya (V. Krestovsky is a pseudonym) in connection with her literary work. Having a reputation as the best Russian writer, Khvoshchinskaya was a literary centenarian, but in recent years her creative activity has decreased. The materials reviewed suggest that the writer's living conditions, and most importantly, the environment, significantly influenced the intensity of her literary work. The most fruitful periods turned out to be when there was a person nearby who was close not only emotionally and intellectually, but also in everyday terms, a person with whom one could simply talk “about trifles.” In the 1850s and the first half of the 1860s, it was the sister of S.D. Khvoshchinskaya, a writer who published under the pseudonym I. Vesenyev. It was these years that became the most intense and vivid in the work of N. Khvoshchinskaya. The second period was in the 1870s when the writer found a loved one in her early deceased pupil. The article presents a significant body of archival documents of an official and personal nature, which recreate the everyday circumstances of Khvoshchinskaya in different years and make it possible to understand why she left her home in Ryazan at an advanced age and why her younger sister P.D. Khvoshchinskaya (writer S. Zimarova) did not become a close person to her. The appendix contains N. Khvoshchinskaya's early poems dedicated to her three sisters Lyubov, Sofia, and Praskovya, as well as testamentary dispositions.

Keywords: N.D. Khvoshchinskaya, creative biography, everyday circumstances, sisters, archival documents, documentary materials.

Information about the author: Evgeniya N. Stroganova, DSc in Philology, Professor, Research Fellow, D.I. Mendelev and A.A. Blok State Memorial Museum-Reserve, Tarakanovo village, 1, 141503 Solnechnogorsk City District, Moscow Region.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0288-4287>

E-mail: enstroganova@yandex.ru

For citation: Stroganova, E.N. “‘I Need Loved Ones, the Closest’: To the Biography of N.D. Khvoshchinskaya.” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (36), 2025, pp. 130-171. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-130-171>

References

1. Dmitriev, V.D., and O.E. Maiorova. “Novikova Ol’ga Alekseevna” [“Novikova Olga Alekseevna”]. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar’* [Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary], vol. 4. Moscow, Great Russian Encyclopedia Publ., 1999, pp. 342–344. (In Russ.)

2. Zolotnitskaia, L. *Daniel' Shteibel': v teni Betkhovena, mezhdru Napoleonom i Rossiei* [*Daniel Shteibel: In the Shadow of Beethoven, Between Napoleon and Russia*]. St. Petersburg, Kompozitor Publ., 2011. 120 p. (In Russ.)
3. Karrik, A. "Iz vospominanii o N.D. Khvoshchinskoi-Zaionchkovskoi (V. Krestovskii-pseudonim)" ["From the Memoirs of N.D. Khvoshchinskaya-Zayonchkovskaya (V. Krestovsky-Pseudonym)"]. *Zhenskoe delo*, no. 9–12, 1899. (In Russ.)
4. Kusova, I.G., and D.Iu. Filippov. *Dom i liudi. Rod Riummykh* [*Home and People. The Ryumin Family*]. Ryazan, Ryazan Regional Art Museum Publ., 2012. 93 p. (In Russ.)
5. Reitblat, A.I. *Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoi sotsiologii russkoi literatury* [*From Bova to Balmont and Other Works on the Historical Sociology of Russian Literature*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009. 448 p. (In Russ.)
6. Rozenkhol'm, A. "Rasskazchitsa-pisatel'nitsa v protivorechiakh, ili Vzgliad Kassandry" ["The Storyteller-Women Writer in Contradictions, or Cassandra's View"]. *Russkie pisatel'nitsy i literaturnyi protsess v kontse XVIII – pervoi treti XX vv.: sbornik nauchnykh statei* [*Russian Women Writers and the Literary Process in the Late 18th – First Third of the 20th Centuries: Collection of Scientific Articles*]. Wilhelmhorst, Verlag F.K. Göpfert, 1995, pp. 91–114. (In Russ.)
7. Sevast'ianova, A.A., and D.Iu. Filippov. "Novye materialy ob istorii sem'i Khvoshchinskikh v Riazani" ["New Materials on the History of the Khvoshchinsky Family in Ryazan"]. *Istoriia dorevoliutsionnoi Rossii: mysl', sobytiia, liudi* [*History of Pre-Revolutionary Russia: Thought, Events, People*], issue 2. Ryazan, Ryazan State Pedagogical University named for S. Yesenin Publ., 2003, pp. 113–122. (In Russ.)
8. Semevskii, V. "N.D. Khvoshchinskaia-Zaionchkovskaia (V. Krestovskii-pseudonim)" ["N.D. Khvoshchinskaya-Zayonchkovskaya (V. Krestovsky-Pseudonym)"]. *Russkaia mysl'*, no. 10–12, 1890. (In Russ.)
9. Serkov, A.I. *Russkoe masonstvo. 1721–2019. Biograficheskii slovar'. Vek XIX* [*Russian Freemasonry: 1721–2019. Biographical Dictionary. The 19th Century*], vol. 1–4. Moscow, Ganga Publ., 2020. (In Russ.)
10. Stroganova, E.N. "K 200-letiiu Nadezhdy Dmitrievny Khvoshchinskoi: O date rozhdeniia pisatel'nitsy" ["On the 200th Anniversary of Nadezhda Dmitrievna Khvoshchinskaya: About the Date of the Writer's Birth"]. *Kul'tura i tekst*, no. 2 (45), 2021, pp. 113–120. DOI: 10.37386/2305-4077-2021-2-113-120 (In Russ.)
11. Stroganova, E.N. "Neopublikovannye stikhotvoreniia N.D. Khvoshchinskoi iz al'boma sem'i Aliab'evykh" ["Unpublished Poems by N.D. Khvoshchinskaya from an Album of the Alyabyev Family"]. *Shagi / Steps*, vol. 10, no. 3, 2024, pp. 320–345. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2024-10-2-320-345> (In Russ.)
12. Stroganova, E.N. "Khvoshchinskaia Nadezhda Dmitrievna" ["Khvoshchinskaya Nadezhda Dmitrievna"]. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'* [*Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary*], vol. 6. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2019, pp. 510–514. (In Russ.)
13. Stroganova, E.N. "Khvoshchinskaia Praskov'ia Dmitrievna" ["Khvoshchinskaya Praskovya Dmitrievna"]. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'* [*Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary*], vol. 6. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2019, p. 514. (In Russ.)

14. Stroganova, E.N. “Khvoshchinskaia Sof’ia Dmitrievna” [“Khvoshchinskaya Sofia Dmitrievna”]. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar’* [Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary], vol. 6. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2019, pp. 514–515. (In Russ.)

15. <Khvoshchinskaia, P.D.> <“Biografiia”> [<“Biografiya”>]. *Sobranie sochinenii V. Krestovskogo (psevdonim): v 5 t.* [Collected Works of V. Krestovsky (Pseudonym): in 5 vols.], vol. 1. St. Petersburg, A.S. Suvorin Publ., 1892, pp. I–XVIII. (In Russ.)

16. “*Iazhivu otpochty do pochty...*” *Iz perepiski Nadezhdy Dmitrievny Khvoshchinskoi* [“I Live from Mail to Mail...” *From the Correspondence of Nadezhda Dmitrievna Khvoshchinskaya*], comp. A. Rozenkhol’m, and Kh. Khogenbom. Fichtenwalde, Verlag F.K. Göpfert, 2001. 271 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 16.02.2025

Одобрена после рецензирования: 04.04.2025

Дата публикации: 25.06.2025

The article was submitted: 16.02.2025

Approved after reviewing: 04.04.2025

Date of publication: 25.06.2025